

Джеймс Клеменс
Буря ведьмы
Серия «Проклятые и изгнанные», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8229847
Клеменс (Роллинс), Джеймс. Буря ведьмы: Эксмо, Домино; Vjcrdf; 2016
ISBN 978-5-699-87512-2

Аннотация

Блистательная сага от Джеймса Роллинса, издававшаяся также под псевдонимом Джеймс Клеменс.

Рубиновая печать ведьмы, которой помечена ладонь Элены, обладает необузданной грозной силой. Тот, кто подчинит себе эту магию, сможет противостоять слугам Темного Властелина. Но Элена пока еще не хозяйка своему могуществу. Со свитой из проклятых и гонимых она направляется в затерянный город. Там, если верить пророчеству, хранится мистический фолиант, а в нем скрыт ключ к спасению страны от черного волшебства повелителя гал'готалов.

Но если Темный Властелин найдет Элену первым, она сама сделается его оружием. И этому оружию не будет равных...

Содержание

Моя благодарность	5
Предисловие к «Буре ведьмы»	6
Послесловие к предисловию	8
Книга первая	10
Глава 1	10
Глава 2	19
Глава 3	28
Глава 4	34
Глава 5	42
Глава 6	47
Глава 7	54
Глава 8	61
Глава 9	68
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Джеймс Клеменс

Буря ведьмы

*Моим самым верным и ярым сторонникам, братьям и сестрам
(да, я назову их поименно):*

Черил, Дугу, Лори, Чаку, Биллу, Кэрри

James Clemens

Wit'ch Storm

WIT'CH STORM © 1999 by Jim Czajkowski

© Гольдич В. А., Оганесова И. А., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,

2016

Моя благодарность

Чтобы перечислить всех, кто внес свой вклад в создание этих романов, потребуется целая книга. Но я не могу не поблагодарить тех, кто оказал мне особую поддержку: моего агента Пешу Рубинштейн за то, что она открыла двери в издательский мир и стала моим проводником; редактора Веронику Чепмэн, представившую мои романы в издательстве «Дель Рей»; а также Элеонору Лэнг и Кристину Льюис за то, что они опубликовали эти книги и сделали их широко известными. Я особо признателен художнику Брону и оформителю обложки Дэвиду Стивенсону за то, что они подарили проекту незабываемое лицо.

Я кланяюсь членам моей писательской группы за их бесценную помощь в доведении сюжетной линии до ума (Крису Кароу, Деннису Грейсону, Дейву Мику, Стивену и Джуди Прей, Кэролайн Уильямс, и особая благодарность Джейн О'Рива).

Не знает границ моя признательность Кэролайн Маккрей за ее поддержку, критику и дружбу.

Я крепко обнимаю мою верную сторонницу Мерил Олах за ее тяжелый труд и преданность, когда она выступала в роли Элены на нескольких конференциях и продвигала первую книгу.

Предисловие к «Буре ведьмы»

Сала'зар Мат, писатель и драматург

Примечание: ниже приведены точные слова, произнесенные Сала'заром Матом перед казнью за преступления против Сообщества.

Прежде всего я писатель.

И за годы профессиональной деятельности я пришел к убеждению, что слова должны выводиться кровью повествователя. В этом случае человек хорошенько подумает, прежде чем что-либо настрочить. Кто посмеет тратить драгоценную жидкость на пустую болтовню и небылицы? Если бы речь, подобно крови, нагнеталась самым сердцем, не была бы она всегда правдива?

Сейчас я пишу дешевыми чернилами, которые срываются с пера сгустками кровавой слюны, но позвольте вообразить, будто моя собственная кровь покрывает пергамент. В некотором смысле так и есть: в мою камеру проникает скрежет точильных камней, и этот звук мучительно режет слух. Когда я закончу, палач распорет мне живот, и каждый сможет прочесть то, что сами боги начертали внутри. Я раскроюсь, словно книга. Так пусть мое завещание явится предисловием и к следующему переводу «келвишских свитков», и к тому общедоступному произведению, коим станет мой труп к следующему восходу солнца.

Нынешней ночью я вынужден поведать эту историю, чтобы Делли, мою милую жену, постигла быстрая смерть от топора карателя, а не мучительная агония на Камне Правды. Пусть упокоится без страданий. Впрочем, буду предельно откровенен в своих последних словах: даже если бы мной не двигало желание облегчить участь супруги, я бы все равно взялся за предисловие.

Понимаете ли, писательство для меня нечто большее, чем ремесло, – это моя жизнь.

Не стану спорить, сочинительский труд давал моим детям хлеб и крышу над головой, но он питал и мою душу. Слова вселяли в меня силы, они бились в моем сердце. Так могу ли я упустить последнюю возможность рассказать историю – даже о собственном проклятии. Историю, призванную навсегда отпугнуть вас от чудес, описанных в свитках.

Я знаю, что умру в назидание тем, кто мечтает стать ученым Содружества. Смерть же моя явится подтверждением извращенности и мерзости, таящейся в свитках.

Что ж, так тому и быть.

Вот мой рассказ.

Однажды в темных переулках Гелфа я наткнулся на торговца колдовскими предметами с черного рынка. От него разило пряными леденцами и кислым элем, и я уже приготовился оттолкнуть его, но тут негодяй словно заглянул мне в душу. Он шепотом предложил то, от чего я не смог отказаться, – возможность изучить документы, запрещенные в стародавние времена. Он показал потрепанную копию свитков, сделанную на коже фанатиков. Будучи сочинителем, я слышал о записях и подозревал, что заплачу любую цену за шанс прочесть их. И оказался прав – дорогого стоило отвоевать у этого гнилозубого проходимца экземпляр текста.

Опасаясь, что кто-нибудь отнимет раритет, я прочел все при свече за четыре дня и четыре ночи. Щеки обросли щетиной, но я не шевелился, пока усталые глаза не достигли последнего слова.

Первый свиток показался настолько безобидным, что я никак не мог понять, почему его прячут, и горевал, что такое доброе произведение обречено на безвестность. Но ближе

к концу истории причина стала очевидной. И несправедливость запрета не просто огорчила меня – она привела меня в ярость. Строки придали мне сил, и я твердо решил открыть их миру.

У меня зародился план.

Я решил, что переработаю свитки в пьесу – изменю несколько имен и географических названий, слегка уведу историю в сторону – и так донесу до людей сокрытую в них магию. Однако меня предал один актер. Во время премьеры я был арестован вместе с трупой и зрителями.

Из двухсот человек, выволоченных из театра в ту дождливую ночь, если не считать моей жены, я единственный еще жив. И мне до сих пор слышатся их вопли. За пять зим заточения я пролил столько слез, что жажда стала моей вечной спутницей. Даже сейчас, когда пишу эти слова, слезы размывают чернила, прочерчивая темные дорожки на песочном пергаменте.

Но, несмотря на то что свитки принесли столько горя моей семье и многим другим людям, в глубине души я не могу сожалеть, что изучил их. Они изменили меня, и теперь я знаю правду! И эту правду не вырежет нож палача. Я умру с последними словами свитков на устах – и умру удовлетворенным.

Будучи писателем, я всегда подозревал, что в словах таится особая магия. Но, прочитав свитки, понял, каким могущественным может быть письменное слово.

Слова обращаются человеческой кровью.

Послесловие к предисловию

Джир'роб Сордан, профессор университетских исследований (У. Д. Б.)

Добро пожаловать к свиткам.

Вы спросите, зачем тратить первые страницы на предсмертные речи человека, совершившего святотатство? Сала'зар Мат был казнен через публичные пытки и медленное отсечение головы в тюрьме Нью-Велк в Сент Сиб'аро утром следующего дня после того, как написал приведенное выше предисловие.

Его смерть, дорогие ученики, – первый урок, над которым вам следует задуматься, прежде чем приступать к исследованию.

Вы поверили Мату? Поверили в то, что слова могут стать человеческой кровью? Что они наделены таинственной силой? Не стыдитесь, если поверили. Сала'зар Мат был искусным писателем.

Но пусть это станет для вас уроком – не верьте словам.

Мат пал жертвой заблуждения, его ум ослаб, и причиной тому – чтение свитков без должной подготовки.

Пусть его смерть – а не слова – станет для вас уроком. Слова не смогли спасти ему жизнь.

Итак, прежде чем откроете первую страницу второй книги, вы должны принять истину и укрепить свое сердце, произнеся до захода солнца сто раз:

«Слова не обладают силой.

Свитки не наделены могуществом.

Власть и сила всецело принадлежат Совету».

ПЕРЕДАЧА ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВТОРОЙ СВИТОК

Этот экземпляр передается вам и поступает под вашу полную ответственность. В случае утери или уничтожения документа вас ждет суровое наказание (согласно закону вашей местности). Передача, копирование или даже чтение вслух в присутствии человека, не обучающегося в вашем классе, строго запрещены. Поставив ниже свою подпись и отпечаток большого пальца, вы берете на себя ответственность и освобождаете от нее университет в случае, если чтение свитка причинит вам или тем, кто вас окружает, какой-либо вред.

Подпись: _____

Дата: _____

Поставьте здесь чернильный отпечаток вашего большого пальца правой руки:

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Если вам случайно, вне стен университета, попадет в руки данный текст, пожалуйста, закройте эту книгу и немедленно известите соответствующие органы, чтобы они изъяли его до того, как он причинит какой-либо вред. В случае если вы не сделаете этого, вас ждет немедленный арест и заключение в тюрьму.

ВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНЫ!

Рожденное огнем в тени драконьих крыльев, так началось путешествие.

За окном зимнее солнце готово опуститься в синеву Великого Западного океана. Небо над водой уже не розовеет весенним заревом – оно словно измято багровыми, красными и желтыми синяками. Каждый вечер с тех пор, как закончил в прошлом году первую часть истории о ней, я сижу за столом и жду. За последние сто ночей с этого самого места я несколько раз наблюдал, как луна наливается и снова тает, с застывшим над пергаментом пером, но не мог написать ни слова.

Почему? Почему я снова и снова откладываю повествование? Ведь продолжить рассказ – единственный способ освободиться от злых чар, наложенных ведьмой. Только поведав правду, я смогу разрушить проклятие и наконец умереть. Или я сознательно замедляю ход истории, пытаюсь продлить существование? Прожить еще век, два или даже три?

Нет. Время уничтожает все иллюзии о самом себе. Подобно воде, пробивающей путь в ущелье, прошедшие годы вымыли из моего сознания все слои самообмана. И единственной наградой, полученной мною за ее гнусное проклятие, стало сердце, способное видеть и понимать.

Дни и ночи над пустыми страницами я проводил вовсе не из желания пожить подольше, а из страха, парализующего ужаса перед тем, что предстоит поведать. Есть вещи, остроту которых не в силах притупить даже время.

Знаю, что теперь придется рассказать о том жутком путешествии, о дороге, на которую пала длинная черная тень ведьмы. Однако я боюсь перенести слова на бумагу. Документальный отчет о тех событиях не только высвободит кошмары, встреченные ею в пути, – как только я обмакну в чернила перо и коснусь им листа, легенда оживет и то, что сейчас всего лишь воспоминание, обретет форму и содержание.

И тем не менее я должен...

Теперь, когда ясные розовые закаты весенних и летних дней позади, ледяные ветры и тяжелое, словно покрытое синяками небо помогли мне найти в себе силы продолжать. В это время года я смогу писать дальше.

Слушайте... Слышите, как ломается на горных перевалах лед? Весна наконец освободила Зубы от ледяной зимней хватки и расчистила пути в долины.

Послушайте, как стонет лед, как он трещит – точно раскаты грома возвещают о начале ее похода.

И подобно всем путешествиям, добрым или злонамеренным, это началось с первого шага...

Книга первая

Темные дороги

Глава 1

Элена вышла из пещеры, откинув кожаный полог, удерживавший внутри тепло костров. Нынешней весне минула уже целая луна, но здесь, среди снежных пиков, раннее утро обдавало ледяным ветром. Снаружи студеной воздух пах соснами и высокогорными маками, впрочем, сегодня легкое дыхание тепла напоминало о приближении лета.

Вздыхнув, девушка сняла капюшон зеленой шерстяной куртки и посмотрела на горы. Их тяжелые снежные шапки будто тянулись к ней, едва не опрокидываясь, а эхо сотен водопадов, рожденных таянием снегов, ревело среди склонов. После долгих холодов, когда и вода, и время, казалось, застыли навечно, весенняя оттепель возвещала о рождении природы.

Улыбнувшись, Элена шагнула вперед – но, словно в напоминание, что зима еще не выпустила бразды правления из цепких пальцев, поскользнулась на покрытом грязной ледяной коркой камне. Беспомощно размахивая руками, она плюхнулась на каменистую тропинку.

За спиной послышался шорох кожи о камень – Эр’рил вышел из пещеры.

– Девочка, не сверни себе шею еще до того, как мы покинем Зубы. Ушиблась?

– Нет, я в порядке.

Щеки Элены залил густой румянец, способный, казалось, растопить целый айсберг. Не обращая внимания на протянутую руку, она с трудом поднялась на ноги.

– Я нечаянно...

Девушка вздохнула и отвернулась, чтобы не видеть, как посуровело лицо наставника. Его серые глаза из-под черных бровей оценивали каждое движение. И почему он смотрит на нее, лишь когда она обожжет палец или ушибет ногу о непонятно откуда взявшийся каменный выступ? Элена с достоинством отерла ладонь о серые штаны и нащупала мокрое пятно на заднем месте.

– Остальные уже заждались, – сказал Эр’рил, увлекая ее за собой к месту сбора отряда. – Даже волк наверняка вернулся.

Фардейл в зверином облике отправился на рассвете проверить тропинки, ведущие к далеким равнинам. Ни’лан и Мерик занимались лошадьми и готовили фургон, а Тол’чак и Могвид грузили припасы. Только Крал остался внизу проститься со своим кланом.

– Если мы хотим преодолеть перевал засветло, нужно выйти немедленно, – заметил воин, поднимаясь по лестнице все выше. – И лучше смотри под ноги, а не витай в облаках.

Словно в насмешку над собственным наставлением, он вдруг поскользнулся, вскинул руку и разом перемахнул две ступеньки, чтобы сохранить равновесие. Он оглянулся, и Элене показалось, что его лицо посуровело еще больше.

– Хорошо, – покорно проговорила она, не в силах сдержать улыбки.

Эр’рил что-то проворчал и зашагал дальше.

Теперь они шли осторожно, каждый погружен в свои думы. Впрочем, Элена подозревала, что их мысли заняты одним и тем же – предстоящим долгим путешествием по землям Аласеи к исчезнувшему А’лоа Глен. Где-то в затонувшем городе несколько столетий назад Эр’рил спрятал Кровавый Дневник – книгу, в которой, согласно пророчеству, содержится ключ к спасению страны от черной магии повелителя гал’готалов. Но смогут ли они, отряд путников из разных земель, где каждый ведом собственной целью, туда добраться?

Последние несколько недель они планировали и снаряжали экспедицию, испытывая нечто среднее между облегчением, что наконец начали действовать, и страхом перед необходимостью покинуть безопасные горные перевалы. Тяжелое молчание, как и сейчас, окутывало всех, кроме...

– Эй!

Окрик за спиной заставил обоих остановиться.

Элена обернулась и увидела, как Крал протискивает свое могучее тело сквозь казавшийся сверху крошечным проход в гранитной скале. Он помахал рукой толщиной в древесный ствол, голос камнепадом прогрохотал в ущелье:

– Подождите! Я с вами.

Он согнулся под тяжестью громадного рюкзака и помчался вверх, перепрыгивая одним махом по три ступеньки. Элена затаила дыхание, ее передернуло. Удивительно, как местные жители не сворачивают себе шеи на скользких тропах? Крал, казалось, даже не замечал ненадежных камней – его ноги сами выбирали безопасную дорогу. Интересно, ловкость или везение спасает великана от смертоносного падения?

Вскоре он их догнал.

– Прекрасный день, чтобы тронуться в путь, – заметил горец, нисколько не запыхавшись в разреженном горном воздухе.

Казалось, Крал единственный из отряда не волнуется о предстоящем походе. В то время как остальные с приближением назначенного дня все глубже погружались в молчание, великана переполняла энергия, и, с нетерпением ожидая момента, когда покинет горы, он то и дело перепроверял припасы, осматривал копыта лошадей, точил оружие, следил за таянием льда – лишь бы ничего не упустить на подготовительной стадии экспедиции.

Заметив широкую улыбку Крала, Элена решилась задать давно мучивший ее вопрос:

– Ты ничуть не печалишься, оставляя родной дом. Неужели тебе не грустно?

Повеселев, Крал запустил пальцы в свою густую черную бороду.

– Весна – это время разобщения. Когда зима отступает и открываются перевалы, наш народ делится на «костры» и расходится по торговым путям. Клан объединится снова только в конце осени. По правде говоря, нет такого места, которое мы называли бы домом. Пока под ногами камни, а в груди бьется сердце, мы дома.

Он кивнул на тропу, но Эр’рил не двинулся с места.

– Крал, ты правдив, как и все представители твоего народа, но недоговариваешь многого. – Воин стоял несколькими ступенями выше и теперь смотрел великану прямо в глаза. – Сдается мне, я знаю, что гонит тебя в путь.

– И что же, житель равнин? – Он едва заметно прищурился, губы, на которых мгновением раньше играла беспечная улыбка, застыли неподвижной чертой.

– При первой нашей встрече на постоялом дворе в Уинтерфелле ты упомянул о пророчестве, связанном с моим появлением среди горцев. Оно предрекает гибель твоему народу.

Бородач отвел глаза. Казалось, его внимание привлекла трещина в ледяном покрове лестницы.

– Не мысль о предстоящем путешествии наполняет радостью твое сердце, – продолжал Эр’рил, – а чувство облегчения от того, что я покидаю вас и клану ничего не угрожает.

– Твоя правда, – пробормотал Крал, не поднимая головы.

– Я не собирался тебя стыдить и остановил вовсе не за этим.

– Тогда зачем?

Эр’рил спустился навстречу и, потянувшись, сжал плечо великана. В удивлении Крал широко раскрыл глаза.

– Я уже благодарил за приют и исцеление от яда гоблинов, но ведь ты рискнул привести меня в дом своего клана. Ты знал о предсказании и все же сделал это. Я перед тобой в долгу.

– О каком долге может?.. Не стоит благодарности, – ответил Крал, запинаясь. – Мы не могли поступить иначе. Мы, дети Скалы, живем по совести даже под гнетом предсказаний.

– И тем не менее я твой должник, друг мой. – Эр’рил снова сжал его плечо, затем повернулся и повел спутников к Перевалу Духов. – Кстати, мы, жители равнин, тоже имеем понятие о чести.

Элена поспешила за наставником, но прежде заметила, что глаза горца вспыхнули уважением.

Они поднимались все выше, и Эр’рил начал прихрамывать на правую ногу: видимо, от тяжелого подъема у него заболела кость, на которую прошлой осенью наткнулся кинжал гоблина. Яд истощил standi, жителя равнин, до неузнаваемости. И хотя он быстро оправился и вернулся в былую форму, старые раны часто давали о себе знать, особенно в моменты усталости. У каждого члена отряда в напоминание о встрече с Темным Властелином остались шрамы, и не всегда видимые. Кто знает, какие еще сражения ждут их на пути к пропавшему городу?

Эр’рил добрался до вершины и, остановившись, огляделся.

– Весь этот план – сущее безумие, – пробормотал он.

Элена и Крал замерли рядом.

Перевал Духов лежал внизу зелеными лугами пологих склонов. Здесь тепло полностью завладело высокогорьем. Распустившиеся крокусы расплескались сине-белыми лужицами, а на хребтах цветы пробивались сквозь проплешины упрямого снега, словно сама весна стряхивала с плеч зимнюю мантию. Всюду бурлила жизнь. Вдоль березовой рощицы, зазеленевшей уже молодыми листочками, по тропинке медленно поднималось семейство пятнистых оленей. Круживший в небе ястреб с пронзительным криком метнулся к изумрудному морю травы и тут же взмыл – в его когтях отчаянно извивалось маленькое пушистое существо.

Очевидно, Эр’рилу не было до всего этого никакого дела.

– Взгляните на фургон, – указал он. – Точно дешёвая шлюха из таверны, размалеванная и обвешанная побрякушками, чтоб уж наверняка никто не обошел ее вниманием.

Около небольшого ручья, пробежавшего меж поросших мхом камней, несколько спутанных лошадей щипали траву, рядом громоздилась крытая повозка. Стенки были выкрашены темно-оранжевым, а синий холщовый тент, туго натянутый на раму из молодых гибких кленов, покрывали выведенные по трафарету белые звезды. По бокам висели разноцветные коровьи колокольчики.

– А мне даже нравится, – проговорил Крал.

Нахмурившись, Эр’рил подошел к лошадям и собравшимся вокруг путешественникам.

– Если бы я один повез Элену в город, отпала бы нужда в подобных глупостях.

– Все решено. У каждого своя дорога, – отозвался горец. – Не считая элв’ина Мерики, который и вовсе был бы рад отказаться от путешествия, ты единственный хотел разбить группу.

– Нас слишком много. Маленький отряд передвигается быстрее, да и внимание почти не привлекает.

– Возможно. Но если все же привлечет, пригодятся сила и опыт каждого из нас, чтобы уберечь Элену от Черного Сердца. Нам ведь предстоит защищать ее не только от воров и разбойников.

– Да-да, я помню все эти доводы.

Девушка едва поспевала за мужчинами.

– Дядя Бол предупреждал, что мы должны держаться вместе, – проговорила она, задыхаясь.

– Я знаю, Элена. – Эр’рил немного сбавил шаг, пропуская ее вперед. – Я не пренебрегаю мнением твоего мужественного дяди, но знаки, что он пытался расшифровать, слишком сложны, и их нельзя трактовать однозначно. Возможно, он ошибся.

– Нет, не ошибся, – твердо возразила девушка.

В глубине души Элена чувствовала, что сохранить целостность отряда чрезвычайно важно. Однажды она уже потеряла всех близких: родителей, которых сожгла собственными руками, тетю и дядю, убитых чудовищами, и брата Джоака, отнятого черной магией. Она не пережила бы боль, выпавшую на ее долю, без поддержки тех, кто сейчас ее окружал. За шесть месяцев спутники стали для нее второй семьей. Их связывали не родственные узы, а кровь общих сражений, и девушка не хотела утратить товарищей.

– Нужно держаться вместе.

– Так и будет, – ответил Эр’рил с сомнением в голосе.

– План отличный, – возразил ему Крал, указывая на цветастый фургон. – Повозка будет нашим знаменем! Выдавая себя за маленькую цирковую труппу, что в огромном количестве колесят по весенним и летним дорогам, мы сумеем спрятаться без особых усилий. Нас станут искать на окольных путях, а мы тем временем с песнями да прибаутками проедем по главным дорогам. И весь этот шум не только не привлечет к нам внимание, но и позволит заработать пару медяков да золотых на пополнение припасов. Считаю, здорово придумано.

– Да уж, – язвительно заметил станди, – а вы, горцы, говорите только правду.

Крал хмыкнул и добродушно хлопнул товарища по плечу.

– А ты, я погляжу, кое-что понял за время пребывания в нашем клане.

Они приблизились к фургону, и громкий голос Крала отвлек остальных членов экспедиции от последних приготовлений. Ни’лан, чистившая чалого жеребца, обернулась и приветственно подняла руку, но застыла, едва увидев Элену. Несколько раз моргнув, она выронила скребок и подошла ближе.

– Добрая Матушка, Эр’рил, что ты сделал с бедной девочкой? Ее волосы! – запричитала она, стирая со щеки грязное пятнышко.

Элена смущенно коснулась своих остриженных волос. Если раньше на ее плечи падали густые рыжие локоны, то теперь неровно обрезанные кончики едва прикрывали уши. Кроме того, они стали черными, как у Эр’рила.

– Лучший способ спрятать девочку среди этого балагана – изменить ее внешность. Так что познакомьтесь с моим вновь обретенным сыном.

Эр’рил наблюдал за товарищами, окружившими Элену.

Среди них, точно валун в реке, выделялся Тол’чак. В два раза тяжелее самого могучего горца, огр старался не подходить слишком близко, чувствуя, что девушка, крошечная рядом с ним, все еще его побаивается. За отвратительной внешностью – толстой шкурой, клыкастым ртом и мощным телом – Эр’рил видел надежного соратника, он уважал огра и восхищался его спокойствием и умом. Именно сдержанные реплики Тол’чака во время горячих споров о плане путешествия помогли воину выработать нынешнюю стратегию.

Только тихий Могвид, казавшийся в тени огра карликом, оставался чистым листом. Тощий, с мышиного цвета волосами, оборотень двигался нервно и редко открывал рот, а если и говорил, то едва слышно. По манерам и речи сложно было понять си’луру, но в его натуре угадывались лстивость и изворотливость. Даже сейчас, стоя в нескольких шагах, Могвид клевал Элену быстрыми взглядами, словно голодная птица извивающегося червяка. Эр’рил чувствовал, что в голове оборотня мечутся тайные мысли и планы.

Зато Мерик, одетый, по обыкновению, в белую льняную рубашку и легкие зеленые штаны, никогда не скрывал своего мнения. Стройный среброволосый элв’ин наклонился к девушке и, приподняв ее подбородок тонким пальцем, обратился к Эр’рилу:

– Как ты посмел прикосновением своим умалить красоту нашей королевской династии?

– Так надо, – холодно ответил тот. – Замаскировав девочку, мы, возможно, сумеем сохранить твою драгоценную королевскую династию.

Мерик отнял палец от лица Элены и взглянул на воина.

– А как же знак? – Он кивнул на ладонь девушки, переливавшуюся всеми оттенками рубиново-красного. – Как ты скроешь печать ведьмы?

– Моему сыну придется защищать руки, ведь в нашем цирке он будет зарабатывать тяжким трудом. – Эр’рил указал на пару кожаных перчаток, заткнутых за пояс.

– Ты предлагаешь королевскому наследнику мести пол да выгребать помой? – Бледное лицо Мерика посерело. – Она и без того выглядит жалко с этой нелепой стрижкой.

Элена залилась краской, и ее щеки сравнялись цветом с кистью. Мерик опустил перед ней на колени.

– Послушай, дитя. Наследница королевской династии элв’инов не должна этого терпеть. Ты не имеешь права забывать: в твоих венах течет кровь древних правителей. – Он взял ее за руку. – Откажись от безрассудного путешествия и возвращайся со мной в свой истинный дом – пристанище кораблей и морских ветров.

– Мой дом – Аласея, – ответила она, высвободив кисть. – Возможно, моими предками и были давно умершие короли, но я дочь этой земли и не отдам ее повелителю гал’готалов. Возвращайся, но я останусь.

Мерик поднялся на ноги.

– Ты знаешь, что я не могу вернуться один. А королева, моя мать, не вынесет, если тебе причинят вред. Так что, коли ты твердо решила отправиться в это сомнительное путешествие, я буду рядом, буду оберегать тебя.

Эр’рил вышел из терпения.

– Я в состоянии защитить девочку. – Он взял Элену за плечо и отвел в сторону. – Мне не нужна твоя помощь.

Вытянувшись струной, элв’ин смерил воина презрительным взглядом и махнул в сторону перевала.

– Вижу я твою заботу. В этом фургоне вы будете скитаться, точно бродяги.

Эр’рил разозлился, узнав в словах элв’ина собственные возражения.

– У нас хороший план, – пробормотал он, понимая, что противоречит сам себе. – Я веками странствовал, зарабатывая на жизнь циркачеством. В этом балагане легко спрятать обычную девочку.

– Но ее волосы, – простонал Мерик. – Разве в этом была необходимость?

Но тут в спор вмешался Тол’чак, стоявший рядом с горцем.

– Волосы отрастут, – пророкотал он спокойно.

Крал хохотнул и повернулся к Ни’лан.

– Итак, все решено, милая барышня. Учítывая, что Элена теперь мальчик, отныне ты единственная леди в нашей труппе. Разумеется, если тебя не радуют подобные перемены, мы можем нарядить огра в женский парик и объявить его подружкой Могвида.

Крошечная нифай отбросила с лица длинные светлые пряди.

– В этом нет необходимости. А теперь, если вы налюбовались на бедняжку, может, закончим седлать лошадей и тронемся в путь?

– Ни’лан права, – сказал Эр’рил, отворачиваясь от элв’ина. – Сырые тропинки к вечеру заледеенеют, и...

– Смотрите! – Элена указывала им за спины.

По тропе меж зелеными лугами мчалась крупная тень.

– Самое время, Фардейл, – пробормотал Могвид.

Уловив неприязнь в интонации, Эр'рил почувствовал, что между оборотнями много невысказанного.

Волк, высунув язык, остановился рядом с Могвидом, и его янтарные глаза сверкнули в солнечном свете. Несколько безмолвных мгновений он пристально вглядывался в лицо брата, затем едва заметно кивнул, разрывая контакт, и отошел к ручью напиться.

– Ну? – спросил Крал. – Что сказал твой пес?

Прежде чем Могвид успел ответить, Элена принялась тихонько отчитывать горца.

– Это не пес. Не зови его так.

– Он же шутит, девочка, – вмешался Эр'рил, подходя к Могвиду. – Итак, что твой брат говорит про перевал?

Оборотень попятился в тень огра.

– Он говорит, что большинство троп скрыто быстрыми глубокими потоками. Они непроходимы. Но северная дорога нам подойдет, там вода поднялась всего в нескольких ручьях.

– Хорошо, – кивнул воин. – Значит, спустимся в долину по ней.

– Только... – Могвид весь сжался, будто пытаясь уйти внутрь себя. – Он говорит, что там дурной запах.

– И что это значит? – встревоженно спросила Элена, подходя ближе.

Эр'рил потер висок, все еще пульсировавший после тяжелого подъема.

– Да, что? – нахмурившись, переспросил он.

Могвид разглядывал цветы под своими сапогами.

– Я не совсем понял. Что-то такое... – Он покачал головой.

Тол'чак пошевелился и откашлялся.

– Волк общается картинками, – попытался объяснить он. – Си'лура, что живет в моей крови, уловил некоторые образы, отправленные Фардейлом: «Ощетинившийся волк. Пустая тропа пахнет падалью».

– Что это может означать? – едва слышно спросила девушка.

– Дорога открыта, но что-то там не так. Он предостерегает нас, следует соблюдать осторожность.

В наступившей тишине волк отошел от ручья и уселся возле Элены, ткнувшись в ее ладонь мокрым носом. Она рассеянно почесала его за ухом.

«А сама говорила – не собака», – мысленно заметил станди.

Приласкав Фардейла, девушка, казалось, немного успокоилась. Напряжение последних дней ненадолго отступило. Она собрала все мужество, которое только было в ней, готовясь отправиться в поход.

– Итак, в путь, – объявил Эр'рил. – Но будем начеку.

Пока остальные члены отряда были заняты последними приготовлениями, Могвид болтался немного поодаль. Он собирался в путешествие по-своему. Вскоре среди местных жителей, собравшихся проводить циркачей, появилась сгорбленная старуха. Кивнув ей, оборотень скользнул в тень фургона и достал из кармана три медяка, но один тут же спрятал обратно. Двух вполне достаточно.

Си'лура прислушался: спутники переговаривались, отдавая друг другу последние распоряжения, каждый занимался своим делом. Хорошо. Вскоре донеслось свистящее дыхание ковылявшей к нему старухи. Могвид с досадой прикусил нижнюю губу. Как же он ненавидит обстоятельства, которые вечно повергают его в зависимость от других людей. Но то, о чем попросил, сам сделать он не мог. Он подбросил монеты, и они громко звякнули на ладони. К счастью, купить можно все.

Седовласая женщина, опираясь на отполированную ореховую палку, вошла в тень повозки и остановилась. Вероятно, когда-то она была высокой, но время так ее сгорбило, что теперь приходилось поднимать голову, чтобы посмотреть оборотню в лицо. Она молча разглядывала его своими глазами цвета черного гранита. Годы не только изуродовали тело, они сделали ее жесткой, точно вечный снег горных вершин, выдубленный безжалостным ветром.

Неожиданно Могвид пожалел, что выбрал ее в помощницы. Стараясь избегать ледяного взгляда, он откашлялся, в горле пересохло.

– Ты достала то, что я просил?

Она несколько мгновений не сводила с него глаз, а затем кивнула и сунула руку в потрепанную лисью накидку.

– Не зря же мы, обитатели гор, живем торговлей, – ответила она и хрипло рассмеялась.

Женщина протянула Могвиду мешочек из выделанной козьей кожи, но, когда оборотень приготовился взять его, отдернула руку.

– А зачем они тебе?

Могвид заранее приготовил ответ.

– На память, – сказал он, стараясь придать голосу непринужденность.

– А ты хитрец, – прищурившись, прошипела старуха. – Не рой другому яму...

– Не понимаю, о чем ты.

Она плюнула на его сапоги.

– От тебя разит ложью.

Могвид попятился. Не выдаст ли его карга? Левая ладонь скользнула к рукояти кинжала.

– Хотя на кой ты мне сдался? А сделка есть сделка. – Старуха швырнула ему то, что принесла. – Скала узнает, чего ты стоишь, и укажет твой путь.

Застигнутый врасплох, он едва поймал мешочек и крепко прижал его к груди. Не в силах произнести ни слова, Могвид засунул руку, ту, в которой лежали два медяка, в карман и нащупал третий.

– За твои труды, – пробормотал он, протягивая деньги.

Кривая клюка взметнулась, и монеты упали в грязь.

– Лишь звон серебра способен заглушить твою ложь.

Могвид потер ушибленную кисть, поспешно отыскивал в своих скудных запасах серебряник и протянул ей, опасливо поглядывая на палку. Монетка мгновенно исчезла в складках накидки. Старуха, постанывая, отвернулась, но предупредила напоследок:

– Опасайся того, что приобретаешь обманом, хитрый лис. Может статься, игра не стоит свеч.

С этими словами она скользнула из тени на солнце и скрылась за фургоном.

«Не стоит свеч?»

Могвид заглянул в мешочек, и его лицо исказила злорадная улыбка. Выигрыш может оказаться бесценным. Внутри лежало несколько рыжих локонов Элены – доказательство того, что она ведьма.

Под плотным шатром дубовых ветвей царила тишина: не пели птицы, даже насекомые не стрекотали. Вира'ни прислушивалась, пытаясь уловить тишайший звук. Кожа нагого тела отливала мягким лунным сиянием, только длинные черные волосы покрывали ее, словно плащ. Затаив дыхание, она стояла на коленях возле трухлявого соснового пня, обожженного давним пожаром. Даже мимолетный шорох мог разрушить чары.

Впрочем, ее дети отлично поработали: на лигу вокруг не осталось ни одного живого существа. Поляна была усеяна тушками лесных обитателей – пушистых белок и самых раз-

ных птиц, а на опушке лежала олениха с неестественно вывернутой под действием яда шеей. Довольная, Вира'ни склонила голову, готовясь сотворить заклинание.

Перед ней на изъеденном червями пне покоилась вырезанная из эбенового камня чаша размером с ладонь. Нутро ее казалось чернее самого великолепного обсидиана, серебряные прожилки вспыхивали, точно молнии в темноте ночи. Вира'ни провела пальцем по краю.

Здесь лежит богатство, а внутри – могущество.

Она рассекла костяным кинжалом большой палец, и кровь обагрила чашу. Густые, точно ртуть, капли падали на дно и тут же исчезали – камень беспрестанно жаждал.

Произнося заученные фразы, Вира'ни чувствовала, как с каждым звуком холодеет язык. Остановка означала неминуемую гибель, и она заставила себя говорить. К счастью, заклинание было коротким. Когда из сомкнутых век уже сочились слезы, она наконец выплюнула последнее слово сквозь синие замерзшие губы.

Закончив, она села на пятки, поднесла порезанную подушечку к губам и принялась осторожно облизывать ранку. Кровь обожгла заледеневший рот.

Впереди самая трудная часть ритуала – ожидание.

Посасывая палец, она заметила, что дети, почувствовав ее недомогание, начали осторожно подбираться. Вира'ни позволила им залезть себе на ноги и устроиться там, откуда те были рождены. А один особенно обеспокоенный малыш даже прополз по животу и принялся тихонько поглаживать ее сосок мохнатыми лапками. Она оставила его вольность без внимания.

Вира'ни мысленно повторила весь ритуал. Могла ли она допустить ошибку? Возможно, больше крови...

Неожиданно из эбеновой чаши вырвалось черное пламя и заметалось сотней змеиных языков.

– Темный огонь, – прошептали его имя посиневшие губы.

Поляну пронизал холод. В отличие от привычного пламени, разгонявшего мрак, это поглощало послеполуденное солнце, путавшееся в ветвях. Леденящий туман овладевал лесом, деревья постепенно погружались в темноту.

Малыш на груди, напуганный зловещей вспышкой, укусил ее, но Вира'ни не почувствовала боли: яд паука – мелочи по сравнению с опасностью, таившейся в черном огне.

Она склонила голову.

– Господин, твоя раба ждет приказаний.

Пламя постепенно разрослось, и, когда мрак поглотил чашу и пень, послышалось эхо далекого вопля. Даже этот шепот боли заставил Вира'ни содрогнуться – она узнала песнь подземелий Блэкхолла. Когда-то и ее голос звучал в жутком хоре и она корчилась на пыточном столе. Так продолжалось бы и поныне, но Черное Сердце счел ее привлекательной и сделал вместилищем своего могущества, оплодотворив Ордой.

Вира'ни тронула тело там, где в ту последнюю ночь его касался сам Темный Властелин. С тех самых пор белая полоса выделялась в ее локонах, точно змея-альбинос среди черных корней. Она погладила прядь, и перед глазами пронеслась картина: клацают желтые клыки, рвут острые когти, костлявые кожистые крылья разрезают воздух. Ослабевшие пальцы соскользнули с волос. Некоторые воспоминания лучше не тревожить.

Голос, восставший вдруг из пламени, мигом поколебал ее решимость. Организм подвел, и, словно побитая собака, запуганная хозяином, Вира'ни обмочилась. Голова клонилась все ниже, тело вздрагивало в такт каждому слову.

– Ты готова? – спросил Темный Властелин.

– Да, сир.

Она поцеловала влажную землю. Пауки разбежались в разные стороны, спрятались под листьями и ветвями – даже они, эти крошечные остатки Орды, узнали голос отца.

- Вверенная тебе территория под контролем?
- Да, сир. Мои дети охраняют перевал. Если ведьма пойдет этой дорогой, Орда предупредит. Я буду готова.
- И ты помнишь свой долг?
- Она кивнула, испачкав лоб сырой землей.
- Все умрут.

Глава 2

Убаюканная мерной поступью лошади, Элена закрыла глаза. Мышцы ног привычно реагировали на шаг Дымки, и граница между животным и всадницей будто растворилась, они двигались в едином ритме.

Путники провели в седлах почти целый день, но едва продвинулись вперед. Тяжелый скрипучий фургон еле тащился, и они ехали немногим быстрее, чем если бы шли пешком. Кроме того, пришлось перебираться через несколько полноводных ручьев, бурное течение которых могло повредить и колеса, и копыта коней.

Товарищи всю дорогу ворчали, но Элену столь медленный темп вовсе не раздражал, она была рада уже тому, что снова сидит верхом на своей лошадке. Маленькая серая кобыла, Дымка, единственная пережила ужасы прошедшей осени, и другой связи с родным домом не осталось. Теперь девушке казалось, будто те жуткие события – лишь отголосок дурного сна. Если бы решилась, она бы легко представила, что едет по полям родной долины и, например, направляется к горе Лысая Макушка на пикник. Элена погладила жесткую темную гриву дрожащими пальцами. На губах мелькнула улыбка, когда в мускусном животном запахе на мгновение промелькнул аромат родного дома.

– Девочка, лучше открой глаза, – развеял воспоминания усталый голос Эр’рила.

Элена выпрямилась в седле. Альпийские березы и широкохвойные сосны выстроились вдоль тропы, впереди подпрыгивал на кочках фургон.

– Дымка следует за впередиидущими, с ней не заблудишься, – тихо ответила она.

Воин ударил пятками своего крупного горного скакуна, почти сливавшегося со снегом и льдом. Станди, одетый в темно-коричневую куртку и высокие, до колен, сапоги, поравнялся с Эленой. Полоска красной кожи стягивала черные волосы, не давая им падать на лицо, но на перевале ветер подхватил несколько прядей, и теперь они развевались за спиной, точно знамя. Эр’рил, верхом на могучем коне, возвышался над маленькой серой кобылкой и ее всадницей.

– Ты не забываешь тренироваться? – строго спросил он, и в свете вечернего солнца его глаза сверкнули.

Элена перевела взгляд на луку седла.

– Нет.

Воин обучал ее простейшим заклинаниям и тем немногим правилам управления скрытыми силами, которые знал сам. Его брат, Шоркан, был могущественным магом до того, как пожертвовал собой ради создания Кровавого Дневника, и за десять лет, проведенных вместе, некоторые тайные способности перешли к Эр’рилу.

Он вздохнул, потянулся и ловко перехватил поводья Дымки, продолжая умело править конем бедрами и пятками.

– Послушай, Элена, я понимаю твоё нежелание беречь силу, живущую внутри, но...

– Всегда нет.

Девушка сняла перчатку, обнажив кроваво-красную правую кисть.

– Это моя ноша, и я ее не боюсь. – Элена потянулась пальцами к запястью Эр’рила, и, как она и ожидала, он отдернул руку. – Моей силы боишься ты – и все остальные.

Она посмотрела ему в лицо, но спутник не встретил ее взгляд.

– Дело не в том, что мы...

Элена вскинула рубиновую ладонь, заставляя его замолчать. Ей необходимо высказаться.

– Я заметила, что все вы стараетесь не смотреть на мою руку, что избегаете моего прикосновения. Ваш страх пугает меня больше, чем магия.

– Мне очень жаль, Элена, но попытайся понять: прошли века с тех пор, как кто-то носил знак Розы, – и еще больше с тех пор, как им была наделена женщина.

– Да неужели ты не видишь обычную девушку за знаком Розы? – Она натянула перчатку. – Я больше, чем просто пятно на руке.

Подняв глаза, она увидела, что Эр’рил на нее смотрит. В задумчивости черты его лица смягчились.

– Хорошо сказано, Элена, – проговорил он. – Наверное, я слишком внимательно следил за ведьмой, не замечая за ней женщину.

Она благодарно кивнула.

– Возможно, следовало бы присмотреться и к той и к другой: подозреваю, во время путешествия серьезную проверку придется пройти обеим.

В ответ Эр’рил, потянувшись, сжал ее колено.

– Ты очень повзрослела за полгода, проведенные среди горцев. Даже больше, чем я предполагал.

– Наверное, дело в здешнем воздухе. – На ее губах мелькнула усмешка.

Похлопав девушку по ноге, воин наградил ее одной из своих редких улыбок, и что-то шевельнулось в самой глубине ее существа. Что-то более осязаемое, чем прикосновение к колену. Волна облегчения и сожаления захлестнула Элену, когда наставник, отняв руку, отвернулся.

Эр’рил отвел своего скакуна на несколько шагов, она хлопнула Дымку по боку, и та поскакала за едва различимым уже фургоном. Девушка вздохнула, подумав вдруг, что путешествие в А’лоа Глен может оказаться не таким уж долгим.

Топот копыт отвлек ее от грустных мыслей: навстречу верхом на резвой чалой лошади мчался Мерик. Элв’ин, казалось, парит над седлом, его серебряные волосы, по обыкновению заплетенные в косу, колыхались сзади в такт конскому хвосту. Вскоре он остановился рядом.

– Что случилось? – спросил Эр’рил.

Мерик поклонился Элене и лишь затем ответил:

– Наш передовой, Крал, объявил остановку. Он обнаружил нечто очень странное и просит всех немедленно подойти.

Элена стиснула поводья.

– Что он нашел?

– Не знаю, – покачал головой Мерик. – Говорит, что ничего подобного не встречал раньше в этих землях.

Элене вспомнилось предупреждение волка о дурном запахе на тропе, она поплотнее закуталась в куртку.

– Вперед, – скомандовал Эр’рил, машинально опустив ладонь на рукоять меча.

Мерик развернул лошадь и поскакал обратно, указывая путь. Минувя весело раскрашенный фургон, Элена заметила, что на облучке нет Ни’лан и Могвида. Она заглянула внутрь, но и там было пусто – очевидно, Тол’чак последовал за ними.

Элв’ин вел товарищей по едва различимой тропе. За поворотом она оборвалась крутым склоном, и они увидели своих спутников – те стояли на приступке, вглядываясь в долину. Спешившись, Элена, Эр’рил и Мерик присоединились к остальным.

– Что случилось? – обратился станти к горцу.

Крал молча указал могучей рукой вниз.

Элена встала рядом с обеспокоенной Ни’лан. Извилистая дорожка круто сбегала к лесу. Солнце за их спинами клонилось к горизонту, и деревья тонули в тенях. Шишковатые изогнутые стволы низинных дубов и кленов разительно отличались от стройных березок и величественных сосен высокогорий.

– Лес словно болен, – прошептала нифай, очнувшись от оцепенения, в котором, казалось, не просто прислушивалась к долине, а проникала в нее всей душой.

– А это что такое? – спросил Могвид.

Элена тоже заметила: тончайшие прозрачные нити, колышимые ветерком, окутывали чуть ли не каждую ветвь, точно диковинный мох. Некоторые сплетения длинными лентами тянулись к самым верхушкам.

– Что это? – переспросил оборотень у Ни'лан, понимавшей в деревьях несравнимо больше, чем любой другой член отряда.

– Похоже на паутину, – вмешался Тол'чак, и его янтарные глаза вспыхнули в гаснущем свете дня.

– И откуда она здесь взялась? – В голосе Могвида появилась нервозность.

– Пауки, – ответила Элена.

В надежде получить ответ Ни'лан подошла к одинокому дубу.

Древнее дерево, точно страж, высилось на границе дремучего леса в стороне от плененных паутиной собратьев. Только его свободно раскинутые ветви были усеяны зелеными почками. Что-то здесь нечисто...

– Ни'лан! – окрикнул станди. – Подожди!

В ответ она подняла руку, призывая к тишине. Остальные громко переговаривались где-то поодаль, пытаясь протащить фургон по извилистой тропинке, и на опушку за ней последовали только Эр'рил и Элена.

Ни'лан из народа нифай, наделенного могущественной магией земли и растений, считала здоровье леса своей заботой, и она не могла пройти мимо страдающих деревьев. Крошечная женщина твердо решила: злодей, посмеявшийся попрасть их величие, поплатится за свою подлость.

Она осторожно приблизилась к древнему дубу, стараясь не наступать на желуди вокруг искривленного ствола. Старец мог обидеться, а Ни'лан очень надеялась, что тот не откажется ответить на некоторые вопросы.

Согбенный возрастом, с корой, отполированной дочерна десятками морозных зим и знойных лет, одинокий дуб вызывал почтение. Он вскинул ветви, будто возмущаясь участием собратьев, однако порча коснулась и его: желтые нарывы размером с дыню расплзались по стволу. Наросты походили на ссадины, что оставляют осиные гнезда, однако Ни'лан не предполагала, что они могут быть столь велики.

Нифай осторожно притронулась к коре, стараясь не задеть болячки. Закрыв глаза и склонив голову, она всей душой подалась навстречу древнему великану.

«Пробудись и услышь меня, старец. О совете тебя прошу».

Ни'лан ждала ответа, пытаясь уловить то особое движение духа внутри ствола, по которому узнала бы, что услышана. Бывает, вековые деревья погружаются в сон и тогда неохотно прерывают общую песнь своего лесного дома. Но сейчас дело обстояло иначе – она не уловила даже отзвука рожденной дубом мелодии, даже намек на музыку растений.

Внутри похолодело: лишь однажды она ощущала схожее мертвенное безмолвие. Тогда молчали земли Лок'ай'херы – ее родины, уничтоженной болезнью.

– Ни'лан, – донесся откуда-то издали голос Элены. – Почему ты плачешь?

– Лес... Он не болен. – Голос Ни'лан сорвался. – Он мертв. Отравлен, как мой родной край.

– Почему же? – вмешался Эр'рил. – Посмотри, на ветках набухают вполне здоровые почки.

– Нет. Дух дерева заводит свою песнь в момент рождения и смолкает только в минуту смерти.

Нифай посмотрела на спутников, благоговейно касаясь ладонью холодного ствола.

– Я не слышу его песни, – прошептала она. – Духи ушли.

– Однако дуб все еще дает побеги, – не сдавался воин.

– Они ложные. Что-то прогнало истинных духов и захватило лес. Не он лежит перед нами, а нечто иное.

Элена подошла к Эр'рилу поближе.

– Да кто способен на такое? – Ее глаза широко распахнулись.

– Я не... – Ни'лан осеклась.

Казалось, воображение, потворствуя ее желанию расслышать шевеление духа, сыграло злую шутку: на мгновение почудилось знакомое прикосновение. Легкое покалывание за ушами развилось в едва различимую мелодию – словно зазвонили на ветру хрустальные колокольчики. Она не смела надеяться, но уже в следующее мгновение дуб потянулся к ней, словно пытаясь вынырнуть из ядовитого моря.

Старец страдал от невыносимой боли, но все же он был жив.

– Ни'лан? – робко окликнула Элена.

– Тише, он очень слаб.

Отвернувшись от обеспокоенных спутников, нифай положила руки на шишковатый ствол.

«Приди ко мне, старик, – взмолилась она. – И да придаст тебе сил песнь моя».

Женщина тихонько затянула знакомую с детства мелодию. Осторожно, словно опасаясь чего-то, дух приблизился к ней. Ни'лан распахнула душу: «Увидь мой свет, не бойся». И тут он откликнулся – едва различимый шепот постепенно превратился в полный отчаяния страстный крик. Как давно дерево не общалось с собратьями? Песня, сплетаясь с мелодией Ни'лан, обняла ее, словно руки давно потерянного друга. Однако нифай чувствовала: в некогда могучем великане жизнь почти угасла. Красивая, исполненная звучной глубиной, какая приобретается только по прошествии многих зим, песня стихала с каждой нотой. Дух дерева отдавал последние силы на разговор с ней.

Ни'лан не могла допустить, чтобы его усилия пропали даром.

Она запела в унисон его мелодии боли и потерь, умолая: «Поведай, что случилось с теми, чьи корни сплетались с твоими, древний. Нам необходимо знать».

Старый дуб звучал, но голос его таял: «Орда».

О чем он?

Ни'лан умоляла объяснить, описать злодея, но тщетно: единственный свидетель тех событий быстро ускользал в небытие. Она попыталась вернуть его целебной мелодией надежды, но напрасно – старый дуб умер, оставив в ее сердце лишь отзвук своей песни. Ни'лан прижалась лбом к стволу.

«Да дарует тебе Добрая Матушка мир и покой», – простилась нифай. Однако, когда старик уже уплывал в пустоту, она уловила последний четкий образ.

Потрясенная предсмертным посланием дуба, Ни'лан вздрогнула и отпрянула от дерева. Нет! Только не это! По щекам катились слезы.

– Что? – спросила Элена.

Ни'лан попыталась заговорить, сражаясь с непослушным языком. Какой тусклой и серой казалась людская речь в сравнении с полнозвучной мелодией корней. Она тряхнула головой, отгоняя оцепенение.

– Мы должны...

– Назад! – Эр'рил схватил нифай за плечо и оттащил от ствола.

Приплясывая на месте в попытке сохранить равновесие, она обернулась на то, что так напугало standи, и ее рука метнулась к губам в приступе отвращения: едва дерево испустило дух, желтые наросты зашевелились с мерзким жужжанием.

– Назад, быстрее! – закричал Эр’рил, но они и без того уже мчались прочь.

Неожиданно, точно созревшие стручки молочая, нарывы лопнули, и из них посыпались крошечные красные пауки, мгновенно облепившие ствол и ветки. Из нутра дерева, где поселилась скверна, потянуло гнилым мясом. Доли секунды спустя насекомые уже покачивались на окутавших ветви тончайших нитях, колышимых вечерним ветерком.

– О Матушка! Это что за дрянь? – вскричал Эр’рил.

– Орда, – ответила Ни’лан.

Пауки, будто саваном, укрывали дерево своей пряжей. Казалось, они растут прямо на глазах: крошечные тела распухают, точно кровавые нарывы, а черные лапки вытягиваются и утолщаются. Отвратный вид существ наталкивал на единственную мысль: их ядовитые укусы смертельны.

– Как теперь быть? – спросила Елена. – Мы не сможем пройти через лес.

– Нет. Сможем, – ответила Ни’лан изменившимся голосом.

Она вспоминала последние ноты песни древнего дуба. То, о чем он ее попросил, было святотатством по самой сути и противоречило основам существования нифай, но теперь крошечная женщина поняла, что волю старца выполнить необходимо.

– Что ты предлагаешь? – спросил Эр’рил.

Ни’лан закрыла глаза, вызывая образ, расцветший в предсмертной мелодии: «Пламя лижет дерево, корчатся листья».

– Мы проложим путь огнем, – отрезала нифай тоном, вобравшим всю жажду мести.

Елена прикусила нижнюю губу и пошевелила правой рукой, разглядывая в закатных сумерках рубиновую кисть. Солнце уже скрылось за пиками Зубов, оставив лишь мерцающие тени на границе мертвого леса.

Она стояла позади фургона, и никто из спутников, увлеченных обсуждением ближайших планов, не нарушал ее уединения. Единогласно удалось решить только один вопрос – не входить в лес в темноте. Они стали подальше от деревьев и договорились, что всю ночь лагерь по очереди будут охранять два стража.

Товарищи спорили, ничего вокруг не видя, и рядом с девушкой осталась только Дымка. Елена рассеянно провела левой рукой по гриве лошади, уткнувшейся в мешок с кормом, и выудила несколько веточек да колючек. Она попыталась причесать кобылу, но получалось не слишком хорошо: взгляд был прикован к кроваво-красным завихрениям магии, резвящимся на правой ладони.

Девушка сосредоточенно смотрела на пятно, вспоминая наставления Эр’рила: «Позволь магии проявиться, но не выпускай ее». Елена задышала глубже, стараясь замедлить бие-ние сердца. Нужно научиться контролировать поток силы. Она чувствовала: завтра придется испытать свои способности. Прикрыв глаза, Елена приказала кончикам пальцев нагреться, и постепенно ногти на правой руке окутало мягкое розовое сияние. Хорошо, еще немного...

Происходящее пугало, и ей стоило немалых усилий воли заставить себя продолжать. Она услышала зов дикой магии, сиреническую песнь могущества, хорошо знакомую теперь по урокам с Эр’рилом.

Елена не могла не признать, что часть ее существа – ту, что была ведьмой, – привлекает шепот власти. По совету наставника она не пыталась его заглушить, а, напротив, прислушивалась. Воин говорил, что, если игнорировать призыв, ведьма только прибавит в силе, а потом и вовсе поглотит обычную женщину. Этому не бывать!

Именно ради нее, Элены Моринстал, уже погибло столько людей, что она просто не может променять свое родное человеческое «я» на сомнительный соблазн, она не отдаст себя во власть желаний магии.

Элена раскрыла ладонь, и кончики пальцев раскалились добела. Девушка позволила себе довольно улыбнуться. Стоит ей уколоть руку, и неуправляемая дикая энергия хлынет из тела и захлестнет мир. Но когда она наконец решится на это, магия будет подчиняться простой женщине, а не ведьме.

Она сжала кулак, чувствуя заключенное в нем могущество, затем снова развела пальцы: волшебные вихри метались по кисти.

– Чем занимаешься?

Элена вздрогнула, и ладонь засветилась ярче – словно в очаге кто-то разворошил угли. Девушка подавила сияние. Несколько мгновений спустя глаза привыкли к полумраку, и она, обернувшись, различила худощавую фигуру.

– Могвид?

Элена натянула на остывшую руку перчатку.

– Понятно, прячешь свой меч. – Оборотень едва заметно усмехнулся.

– В каком смысле?

Он кивнул на ее ладонь.

– Меч в ножнах кажется вполне безопасным, даже красивым, пока не сверкнет явленный свету смертоносный клинок. – В темноте глаза Могвида сияли янтарем. – Твоя магия похожа на такой меч.

– Наверное. Но с мечом легче обращаться, – смущенно проговорила Элена. – Он не будет по собственной воле колоть людей.

– О дитя, просто тренируйся. Только от навыков владельца зависит, насколько оружие опасно.

– Однако даже ребенок может случайно убить кого-нибудь.

– Совершенно верно. – Могвид потянулся к гребню. – Позволь помочь тебе.

Оборотень принялся расчесывать гриву Дымки, причем получалось у него гораздо лучше, чем у Элены.

– Я сама.

Кобыле явно нравилось внимание оборотня. Расположение животного он купил угощением – сладким вяленым корешком.

– Не беспокойся, мне это занятие доставляет удовольствие. Бедняжки заслужили немного ласки, у них был тяжелый день. – Могвид посмотрел на девушку своими диковинными глазами с вертикальными зрачками. – Ладно, хватит о лошадях. На самом деле я пришел составить тебе компанию, ты здесь совсем одна. Почему ты ушла от всех?

– Кажется, мое мнение не особо им интересно.

– Хм... Как это знакомо. – Он улыбнулся. – Я тоже стараюсь держаться в стороне. Боюсь, мне не понять человека. Си'лура – изолированный народ, мы живем в самом сердце Западных Пределов, в стороне от людей, и лишь изредка видим одинокого стрелка или капканщика. Мне не слишком уютно рядом с остальными...

Он запнулся, словно пытаясь справиться с накатившими слезами, и проговорил тихо:

– Особенно когда дом так далеко.

Взяв щетку, Элена принялась чистить бока Дымки.

– Я понимаю тебя, – пробормотала она.

Глубокая тоска вдруг овладела ею. Девушка услышала тихую мелодию: Ни'лан взялась за лютню. Одинокие ноты разносились в воздухе, точно ласковое тепло костра, оживляя ночь и проникая в самую душу. Однажды Эр'рил рассказывал, что в инструменте нифай обитает древний дух ее погибшей земли. И, слушая печальный голос, Элена поняла, что это правда. Песнь о разрушенном доме и утраченных друзьях пробралась в самое сердце: она тоже потеряла так много – мать, отца, тетю и дядю. Оставалось надеяться только на то, что

брат Джоак, похищенный на улицах Уинтерфелла темным магом, еще жив и находится где-то в землях Аласеи. Она тайно мечтала вновь обрести его в этом долгом трудном путешествии.

– Джоак, – прошептала девушка, прижавшись лицом к боку Дымки. – Ты обещал, что всегда будешь рядом, так держи слово.

Могвид насторожился.

– Ты что-то сказала?

Она улыбнулась и покраснела.

– Нет, извини. Просто кое-что вспомнила.

Он понимающе кивнул.

– В мыслях о доме удивительным образом смешиваются тоска и радость.

– Да, именно так.

Элена опустила голову, пытаясь скрыть навернувшиеся слезы. Раньше оборотень представлялся ей весьма неприветливым: всегда один, говорит мало, недоверчиво изучает всех прищуренными глазами. Теперь же, казалось, она начала его понимать. Может, они не такие уж разные.

Оба чистили и причесывали Дымку молча, погруженные в свои мысли. Заметив на губах Могвида мимолетную кривую усмешку, Элена приняла ее за печальный отголосок воспоминаний о родине.

Вскоре в наступивших сумерках на конской шкуре заиграли серебристые отсветы, и они отступили, любуясь работой.

– Теперь намного лучше, – улыбнулась Элена. – Спасибо.

– Нет, это я должен благодарить тебя за позволение помочь. Приятно поговорить с человеком, разделяющим твои чувства.

Будто вспомнив о чем-то, Могвид вдруг похлопал по своей кожаной куртке. Он нашарил что-то во внутреннем кармане.

– У меня есть для тебя подарок. Совсем маленький.

Наклонившись, Элена разглядела, что лежит на его ладони.

– Желудь.

– Да, я нашел его возле того большого дуба.

– Но почему ты... То есть зачем...

– Знаю, это пустяк. Я собираю самые разные вещицы. То, что для одного человека мусор, для другого – великая ценность. Я слышал, что сказала Ни'лан: лес мертв. Стало жаль его, вот я и поднял желудь, чтобы посадить в каком-нибудь чистом месте и дать лесу шанс возродиться. – Могвид потянулся к карману. – Извини, это сущая глупость.

– Нет, нет! – Элена взяла руку оборотня в свою и забрала желудь; сжав в ладони, она поднесла семя к груди. – Какое доброе намерение... Спасибо, Могвид. Я сберегу твой подарок.

– Мне подумалось, раз мы оба лишились родного дома, может, удастся вернуть к жизни хоть чей-то. – Его голос дрогнул. – И тем самым воскресить частичку потерянного нами.

На сей раз Элена не стала прятать лицо – по щеке скатилась одинокая слеза. Она хотела, чтобы Могвид понял, как сильно ее тронули последние слова. Казалось, оборотень был потрясен такой реакцией. Он виновато уставился себе под ноги.

– Прости, я не подумал...

– Нет, Могвид.

Девушка протянула руку, и на мгновение показалось, что си'лура готов отшатнуться – будто ему вдруг захотелось оказаться за тысячи миль отсюда. Она сжала его плечо и открыла рот, но...

– Разве тебе не пора спать? – раздался за спиной суровый голос Эр'рила. – Завтра тяжелый день, и лучше тебе как следует отдохнуть.

Отпустив плечо Могвида, она обернулась.

– Я чистила Дымку.

Воин пропустил объяснения мимо ушей.

– Могвид, насколько я помню, твоя стража первая. Держись поближе к Кралу.

– Я как раз собирался идти, – кротко кивнул оборотень, проходя мимо Элены.

– И будь начеку, – крикнул вслед Эр’рил, и в его тоне прозвучал скорее упрек, чем наставление.

– Не будь с ним так суров, – нахмурилась Елена. – Он не солдат, а странник – вроде меня.

Эр’рил презрительно фыркнул:

– Я хорошо разбираюсь в людях. Он лентяй в вечном поиске легких путей.

Девушка забросила щетки и гребни в фургон и резко опустила перед лошадью ведро с водой, слегка обрызгав наставника.

– Да, а ты на удивление хорошо разбираешься в людях.

Она сердито затопала к разложенным спальным мешкам, поглаживая спрятанный в кармане желудь – напоминание о том, что внешность обманчива: внутри крошечного слабого семени живет могучий дуб. Эр’рил не смог заглянуть глубоко – ни в нее, ни в Могвида.

– Что это с девчонкой? – донеслось до нее ворчание наставника.

«Ничего, – безмолвно ответила Елена. – Ровным счетом ничего».

Эр’рил стоял спиной к огню. Издалека казалось, будто пламя вьется у самой опушки, однако тепло едва достигало поста. До сих пор Орда не покидала леса, но оставлять лагерь без охраны было слишком опасно. В защитном круге небольших костров, которые должны были остановить пауков, если бы те напали ночью, располагались спальные мешки. Воин нес дежурство за границей круга, от холода его защищала оленья куртка с меховым воротником. Этой темной безлунной ночью тусклые пятнышки звезд еле-еле проглядывали сквозь затянувшие небо тучи, и казалось, утро никогда не наступит.

Он напряженно вглядывался в лес, пытаясь разгадать его тайны. Путники спорили дотемна, решая, как лучше преодолеть чащу, и довольно быстро сошлись на том, что возвращаться не станут. Судя по рассказу волка, оттепель превратила другие тропы в грязное месиво. Кроме того, неизвестно, какие неприятности ждут отряд там. Нет, все согласились рискнуть и идти дальше. Однако сомнения по-прежнему терзали Эр’рила. Он один несет ответственность за Элену.

– Надо двигаться вперед, – неожиданно проговорил Тол’чак, словно сумев прочесть его мысли.

Похожий на валун, огр сидел тихо и недвижно – Эр’рил и забыл, что он рядом.

– Я знаю. – Воин обрадовался возможности поделиться своими тревогами. – Но разумно ли мы поступаем? Можно вернуться в горы и подождать, когда откроются остальные дороги.

– Нет, мы на правильном пути.

Фраза прозвучала настолько твердо, что Эр’рил невольно обернулся к товарищу.

– Откуда такая уверенность?

Тол’чак шевельнул мощными плечами, и его суставы закрипели, точно ломающиеся на ветру деревца. В свете костра Эр’рил увидел, как напарник достал из большого набедренного мешка крупный предмет, и тот засиял, словно тлеющий в его когтях уголек. Воин узнал его: Сердце, как сам Тол’чак называл огромный драгоценный кристалл, добытый из глубин его родных земель.

Эр'рил и раньше видел камень, но еще никогда тот не пылал так, как этой ночью. От него невозможно было оторваться – мягкий свет, казалось, достигает самых глубин души. Он вдруг поймал себя на том, что говорит, понизив голос:

– Почему он так называется – Сердце?

Тол'чак снова застыл неподвижным валуном, и лишь облака белого пара, вырывавшиеся из ноздрей в холодном воздухе, выдавали в нем живое существо.

– Я кое-что расскажу тебе, Эр'рил. То, чего не знают остальные, – заговорил он наконец. – Давным-давно один из моих предков, Нарушитель Клятвы, самым гнусным образом предал родную землю. И в наказание наш народ был проклят.

Огр, не в силах справиться с охватившим его стыдом, опустил голову и сгорбился. Эр'рил никогда прежде не видел, чтобы Тол'чак так страдал, мучимый нестерпимой болью. В смущении воин снова перевел взгляд на деревья. В то же время он понимал: терзания его спутника не должны остаться невысказанными.

– И что же натворил ваш Нарушитель Клятвы? – спросил он тишину.

– Никто не знает. – Тол'чак поднял сияющий кристалл. – Но вот в чем проклятие: через этот камень умершие представители нашего клана попадали в другой мир. Но земля посадила в самое его сердце дрянное семя – черного червя по имени Погибель, и теперь он пожирает души предков, отрезая путь к освобождению.

Эр'рил поморщился: отвратительная история.

– В моих жилах течет кровь двух народов, и потому у меня никогда не будет детей – я последний потомок Нарушителя Клятвы, и пророчество утверждает, что только я могу снять проклятие и уничтожить Погибель.

Эр'рил снова посмотрел на камень в руке огра, но ему не удалось разглядеть черного червя сквозь сияние.

– И как ты уничтожишь эту Погибель?

– Необходимо узнать, что сделал Нарушитель Клятвы, и все исправить. – Тол'чак положил кристалл на колени.

– Так ведь никто не знает, что сотворил твой предок.

– Именно. Но мне дали Сердце, и оно, как маяк, ведет меня к цели.

Эр'рил задумался и вдруг понял, что имеет в виду огр.

– Его сияние...

– Указывает туда, где я должен оказаться. Сначала он привел меня к оборотням, затем к девушке. Когда я к вам присоединился, камень потемнел и успокоился – и я понял, что мы должны оставаться вместе. Но с первым таянием снега он снова позвал в путь и с каждым днем тянул все настойчивее. И сейчас он тащит меня за собой, словно рыболовный крюк, вцепившийся в самое сердце. Медлить нельзя.

Эр'рил несколько мгновений молча разглядывал камень.

– Я тебе верю. – С этими словами он снова повернулся к больному лесу.

Рассказ огра убедил его в верности принятого решения, но грудь по-прежнему теснил страх: никакое пророчество не спасет от ядовитых насекомых.

– Тол'чак, ты уверен, что камень зовет именно туда?

В ответ огр протянул кристалл к деревьям, и тот засиял ярче, словно бросая вызов пламени костров.

– Другого пути нет. Мы должны пройти через паучий лес.

Глава 3

Влажный платок закрывал рот и нос Элены, и, поправляя его, девушка чувствовала на щеке холодное прикосновение ткани. Она поерзала в седле, в который раз пытаясь поймать ритм лошади.

– Мы словно банда разбойников! – крикнул Крал, ехавший рядом.

Элена представила его широкую усмешку, спрятанную сейчас маской. Остальные тоже обвязались мокрыми тряпками, чтобы защититься от гари. Кроме того, каждый был облачен в длинный плащ с капюшоном, спасаясь от пепла и пауков, которым удастся выбраться из огня.

Девушка кивнула: отряд действительно походил на шайку, отправившуюся за добычей.

Впереди от костра, разведенного на рассвете Эр'рилом, Мериком и Ни'лан, в утреннее голубое небо поднимался черный столб. Пламя бушевало рядом с тем местом, где тропа уходила в лес, всего в броске камня от опушки. Элена провожала взглядом тяжелые клубы дыма.

«И почему мои путешествия всегда начинаются с огня?» – подумала она, вспомнив пожар в саду, что повлек за собой все выпавшие на ее долю испытания.

Девушка и сопровождавший ее горец медленно приближались к пылающим деревьям. Фургон тащился позади, и веселые колокольчики, казалось, звенели звонче в гнетущем молчании.

И хотя солнце уже высушило росу, в угрюмой чаще по-прежнему царили ночные тени. Ключья паутины, усеянные красными насекомыми, тянулись к путникам от границы леса, и те, направляясь к огню, старались держаться от них подальше.

Могвид правил повозкой, внутри сидели Фардейл и Тол'чак. Эр'рил настоял на том, что никто не пойдет пешком: слишком высока вероятность получить смертельный укус. Даже ноги лошадей обернули кожаными ремнями.

Элена оглянулась на двух животных, с трудом тащивших фургон, и у нее заныло сердце. Эр'рил пытался уговорить свою подопечную пересечь к огру с волком, но та отказывалась.

Как она оставит Дымку? Привязанная сзади к повозке, кобыла станет легкой добычей для мерзких тварей. Элена и не думала рисковать любимой лошадкой. Девушка опустила глаза к земле.

– Эй! – крикнул Крал, поравнявшись с Эр'рилом. – Если разведешь огонь еще сильнее, придется вернуться в пещеры моего клана.

Не прерывая тихой беседы с элв'ином, перепачканный сажей воин жестом дал понять, что слышит горца. В ответ на какую-то фразу Мерик решительно покачал головой, и даже на расстоянии Элена увидела, что его глаза гневно вспыхнули.

Не обращая на спорщиков внимания, Ни'лан, закутанная в плащ, с маской на лице, встала между огнем и лесом. Съежившись, она напряженно вглядывалась в чащу глазами, полными слез, и не только едкий дым был тому причиной. Грязной рукой нифай смахнула со щеки слезинку, оставив под глазом черное пятно.

Звон и скрип остановившегося рядом фургона наконец отвлекли трех костровых. Станди выпрямился и направился к повозке, за ним поспешили нифай и элв'ин.

– Мы готовы, – объявил Эр'рил.

С раздражением и беспокойством взглянув на упрямую подопечную, он повернулся к отряду:

– Я приготовил факелы, по одному для каждого верхового. Мы встанем по обе стороны тропы. – Он показал, какие места они должны занять. – По моему сигналу начинаем выжигать дорогу сквозь проклятый лес.

Слушатели дружно кивнули, и все, кроме тех, кто сидел в фургоне, подошли к костру. Эр'рил положил руку на колено Элены, когда та собралась соскочить на землю.

– Тебя это не касается.

Элена дернула ногой, спихивая руку воина.

– Еще как касается, – возразила она, соскользнув со спины Дымки. – Все это меня касается. Понятно, что мне лучше не пользоваться магией, пока не научусь с ней управляться, но если нужно поджечь лес, я тоже возьму факел. Я не буду сидеть сложа руки.

Лицо Эр'рила потемнело от ярости.

– Да, путешествие затеяно ради тебя, Элена. Но твоя миссия – не леса жечь. Если верить предсказанию, ты, девочка, наша последняя надежда в сражении с Гал'готой и не смеешь рисковать...

– Во-первых, я тебе не девочка, у меня давно была первая кровь. – Она подняла руку, чтобы отбросить с лица волосы, но, вспомнив вдруг о своей теперешней стрижке, залилась румянцем. – А во-вторых, если уж мне суждено спасти страну, следует научиться смотреть в глаза трудностям, а не прятаться за спинами опекунов, которые носятся со мной, как с младенцем. Путешествие должно закалить мое сердце пуще стали, а не ты ли говорил, что для этого годится только самое жаркое пламя?

Эр'рил уставился на нее, разинув рот. Остальные обернулись: кто смотрел на них, кто неловко отводил взгляд.

– Я не стану избегать ответственности, я пройду через все уготованные мне пожары, – закончила Элена, сжимая кулаки.

Воин едва заметно покачал головой.

– Отлично, – громко проговорил станди, но, когда девушка собралась пройти мимо, остановил ее, положив руку на плечо. – Но держись поближе ко мне. Мертвецам опыт ни к чему.

Элена кивнула и направилась к костру. Их спутники уже разобрали факелы, и она вытащила из огня горящий обрубок. Эр'рил последовал ее примеру.

– А теперь по коням! – скомандовал он.

Товарищи вскочили в седла. Дымка шарахнулась было от огня, но ласковые слова успокоили лошадку. Девушка взобралась ей на спину и подвела к белому коню Эр'рила, и когда тот, управляя скакуном ногами, поднял факел высоко над головой, внезапно налетевший из долины порыв ветра обдал Элену дымом и искрами.

Воин обернулся к Мерику:

– Уверен, что справишься?

– Даже если спросишь еще сотню раз, мой ответ не изменится, – наградив его хмурым взглядом, ответил элв'ин.

– Да, но сотню раз ты повторял и то, что у тебя не лежит сердце к этому путешествию, – настаивал станди. – Сейчас все зависит от тебя, Мерик. Если не совладаешь с ветрами, не заставишь огонь бежать впереди, нам придется отступить.

– Я знаю, что делаю. Я дал слово лорда прогнать пламя сквозь оскверненный лес. Родная стихия не подведет.

Их ледяные взгляды схлестнулись на несколько мгновений. Элена понимала, что Эр'рилу тяжело признать зависимость других, ведь несколько веков он в полном одиночестве странствовал по дорогам Аласеи и привык полагаться только на себя. Она подъехала и остановила Дымку между мужчинами.

– На Мерика можно положиться. – Она кивнула в его сторону. – Он знает мою волю и не станет уклоняться от своего долга.

Элв'ин опустил голову.

– Кровь древних королей многие поколения разбавлялась в твоих жилах кровью простолудинов, но в тебе по-прежнему живет мудрость нашей династии.

– Если вы закончили препираться, пора взяться за дело! – крикнул Крал.

Горец, сжимавший в громадном кулаке три факела, и нифай отъехали от костра.

Эр'рил вскинул руку и, пришпорив коня, поскакал к лесу. Елена последовала за ним, Мерик замыкал маленький отряд.

Они втроем направлялись к позиции слева от тропы, в то время как Ни'лан и Крал спешили в противоположную сторону.

– Ну и мерзкие же твари, – заметил элв'ин, когда Эр'рил остановил их у самых деревьев.

«Мягко сказано», – подумала Елена.

С ветвей свисало плотное покрывало паутины, на стволах, словно сгустки крови в ране, взбухали отвратительные наросты. Из-за жирных красных насекомых казалось, будто весь лес истекает кровью.

– Эти чудовища не природного происхождения, от них несет порчей, – сказал Мерик.

– Как бы там ни было, – Эр'рил поднес факел к колыхавшейся у лица паутине, – пламя выжжет любую дрянь.

Тонкое плетение тут же вспыхнуло, и огонь, шипя и разбрасывая искры, помчался по нитям. Жар набросился на букашек – некоторые поспешили прочь, поджигая соседние деревья, другие тут же лопались от закипавшего в их телах яда. Струи едкого дыма чернили кору и ветви.

– Пора! Поджигайте! – разнеслась над долиной команда воина.

Он швырнул горящую палку в чащу, и Елена последовала его примеру. Мерик отъехал в сторону и закинул факел далеко в лес. Огонь жадно, подобно волнам, что набрасываются на прибрежный плавник, принялся поглощать сухостой.

– Еще! – крикнул Эр'рил.

Елена и ее спутники снова и снова возвращались к костру за огнем, множа очаги пожара, открывая ему все новые и новые пути. Они четырежды подходили к границе леса, но вскоре пришлось остановиться: теперь жар не подпускал их ближе чем на бросок камня.

Елена никак не могла отвести глаз от пламени, лижущего, казалось, само небо. Огонь неистовствовал, словно вырвавшийся на свободу хищник, он страшно трещал и грохотал. Что же они натворили?

Воин созвал товарищей, и девушка подвела Дымку к лошади Ни'лан. Едва держась в седле, нифай обратила лицо к пожару, и отблески заплясали в ее слезах.

– У нас не было выбора, – пробормотала Ни'лан, протягивая руку.

Елена молча взяла маленькую кисть, понимая, что никакими словами не облегчить ее боль.

– Я знаю, лес мертв... И рада видеть, как огонь уничтожает Орду, погубившую его гордый дух, – сбивчиво продолжала Ни'лан. – Но все же...

Девушка сжала ее пальцы.

Вероятно, огр, обладавший острым слухом, услышал слова Ни'лан. Он остановился рядом, в его янтарных глазах отражалось пламя.

– Духи деревьев ушли, они теперь свободны. Но нужно было прервать этот чудовищный пир осквернителей. Прах покойных должен вернуться в землю или вознестись к небу. Огонь расчистит путь к новой жизни.

Ни'лан расправила плечи.

– Красный огонь родит зеленую жизнь, – тихо проговорила она.

– Что это значит? – спросила Елена.

Вздохнув, нифай покачала головой и осторожно высвободила кисть.

– Тол'чак прав. Последняя из наших старейшин предсказала, что только пламя возродит мой родной дом. «Зеленая жизнь из красного огня» – таковы были ее предсмертные слова. – Ни'лан вытерла слезы и указала на пылающий лес. – Сегодня мы посеяли не разрушение, а семя новой жизни.

– Пожар разгорелся! – крикнул Эр'рил, привлекая внимание своих спутников. – Самое время поставить его на ноги. Приготовьтесь бежать по пятам.

Воин обернулся к Мерику:

– Ты готов?

– Естественно.

Натянув поводья, элв'ин отъехал на несколько шагов в сторону пожара. Он остановился и, сжав на груди руки, опустил голову. Ничего не менялось, и Елена заметила, что конь Эр'рила приплясывает на месте, чувствуя беспокойство хозяина.

То, что должно было произойти в следующее мгновение, имело огромное значение для всех. Они ждали, поглядывая друг на друга. Только Мерик неподвижно сидел на своей лошади.

Вдруг послышался пронзительный свист – точно зов ястреба, вышедшего на охоту. Елена затаила дыхание. В первую секунду она почувствовала легкое движение воздуха, и дым, который тянулся к ним из леса, окутывая тучами пепла и отвратительной вонью, исчез. Его прогнал холодный чистый ветер с горных вершин.

А потом началось.

Новый порыв, такой резкий, что путникам пришлось удерживать коней, налетел на отряд и ударил в стену бушующего огня. Пламя распухло и потянулось к самому небу, словно пытаясь остановить бурю, но стихия только набирала силу.

Елена припала к лошадиной холке, чтобы усидеть в седле. Позади на фургоне сердито звенели колокольчики, громко хлопал холщовый навес. Вихрь завывал так пронзительно, что девушка еле расслышала команду Эр'рила приготовиться.

Вскоре огонь, теснимый потоками воздуха, начал отступать все глубже в лес, оставляя за собой широкую дорогу. Высокогорный ветер, понимая, что выиграл сражение, немного стих, но продолжал гнать пламя все глубже в чащу. Нужно было выжечь достаточно широкую просеку, чтобы пауки не смогли на нее выбраться, но и ждать слишком долго нельзя.

– В путь! – крикнул Эр'рил. – Держитесь вместе.

Сбросив капюшон, Мерик обернулся к воину – его лицо, озаренное отступающим пожаром, восторженно пылало.

– Ты все еще сомневаешься в моих способностях?

Воин повел отряд за собой.

– Пока ветер дует – нет.

Мерик попытался нахмуриться, но не смог справиться с переполнявшим его ликованием. Он прикоснулся к могучей стихии, шумевшей в крови, и глаза его лучились благоговением. Впервые Елена увидела в элв'ине истинного принца.

– Поторопимся! – постарался перекричать неистовый рев Эр'рил.

Елена посмотрела на горящий лес. Тропа, что всего несколько мгновений назад была непроходимой из-за дыма и огня, теперь открылась и лежала перед путниками. Девушка плотнее закуталась в плащ и прищипорила Дымку.

* * *

Обнаженная, окутанная лунным светом, Вира'ни точеным изваянием застыла на коленях посреди небольшой поляны. Пальцы до костяшек были погружены в сырую землю. Она прислушивалась, слегка склонив набок голову. Длинные волосы, шелковистые, словно паутина ее детей, касались земли, усеянной сухими листьями.

Окружавшие ее деревья превратились под покровами прозрачных нитей в черные скелеты. Тысячи насекомых спешили по аллеям и переулкам своего величественного сооружения, создавая все новые сети, сражаясь и совокупляясь. Но Вира'ни не обращала на них внимания, напрягая все органы чувств. Подобно растениям, она находилась в гнезде из серебряной паутины, от которого во все стороны света тянулось восемь толстых волокон, сливавшихся с плетением ее детей. Они колебались и звенели, точно струны великолепно настроенной лютни.

Устроившись поуютнее, Вира'ни всем существом слушала музыку паучков. С самого рассвета что-то происходило, и она улавливала беспокойство в едва различимых вибрациях.

Один из малышей опустился на нити, и она, вытащив из земли руку, протянула ему палец.

– Что случилось, милый?

Паук перебрался на ладонь.

– Ты принес новости?

Детеныш уселся, подобрав под себя мохнатые лапки. Он едва заметно дрожал.

– Не бойся, – ласково проговорила Вира'ни.

Она поднесла паучка к губам и аккуратно взяла его в рот. Какое нежное существо! Ее наполнила материнская любовь. Она почувствовала, как языка коснулись все восемь лапок, и на лице расцвела улыбка. О, она души не чает в этой крошке. Впрочем, не время отвлекаться на подобные мелочи – в лесу что-то происходит. С каждым новым вдохом нити колеблются все сильнее.

Вира'ни языком подтолкнула детеныша к зубам.

«А теперь расскажи, что тебе известно, малыш», – подумала она, раскусывая крошечное тельце.

Яд мгновенно опалил слизистую. Да, господин прекрасно ее подготовил. Вира'ни покачнулась и снова погрузила руки в землю, чтобы не упасть. Перед глазами заплясали мириады разноцветных пятен, деревья в паутине подернулись дымкой, и перед ней возник огромный пожар, пожирающий лес. Он бушевал далеко, у самой границы. Она слилась с Ордой, и внутреннее зрение будто рассыпалось на крохотные осколки – Вира'ни смотрела тысячами глаз одновременно.

По щекам покатились горячие слезы. Она увидела гибель всего, что так любила: стены пламени пожирают деревья и паутину, дети спасаются бегством, дымом множества пожаров играет ветер, пауки горят заживо... И на мгновение – две лошади с обезумевшими глазами тащат обгоревший фургон с опаленным навесом.

Она выплюнула высосанный трупик, и из груди вырвался стон:

– Нет... Мои малыши!

Вира'ни вскочила на ноги, вырвалась из лънущей к телу паутины и осмотрелась, пытаясь разглядеть что-либо за спеленатыми деревьями. В чистом небе прямо над головой стояло солнце, но на западе горизонт скрывала громадная черная туча. Если бы не особое зрение, она бы приняла ее за надвигающуюся бурю, разъяренный грозовой фронт. Но теперь ясно: темень рождена не громом и молниями, а огнем и ветром.

Прислушавшись, Вира'ни уловила далекий рев, похожий на призыв дикого зверя. Из черной стены расползались щупальца дыма.

Огонь сквозь лесную чащу пробирается к поляне!

Она содрогнулась, сообразив, что это значит: пламя сметет все на своем пути. Она в ужасе поднесла к губам испачканный землей кулак и оторвала взгляд от потемневшего неба.

– Орда не должна погибнуть!

В груди леденящий страх за детей мешался с ужасом перед Темным Властелином – он будет в ярости, если не сберечь его чудесный дар.

Несколько мгновений Вира'ни раздумывала, не связаться ли с господином, но поняла: к тому моменту, когда эбеновый камень будет готов и нужные ритуалы соблюдены, огонь настигнет ее, и все будет потеряно. Этого нельзя допустить.

«Нет, не сейчас». – Она обхватила себя руками.

Как только дети будут в безопасности, она расскажет господину о случившемся.

Пламя ревело за спиной, дым принялся пожирать солнце, и вокруг потемнело.

Нужно спешить.

Выбравшись из гнезда, Вира'ни села на сырую землю и развела маленькие колени. Она закрыла глаза и распахнула ту часть своего существа, откуда изливался запах кислого молока и тухлого мяса.

«Идите ко мне, мои детки».

Она еще шире раздвинула ноги, и они пришли – они ползли, мчались со всех сторон. Она знала, что не сможет спасти всех, но этого и не требовалось. Нужно сохранить лишь часть целого, крохотное семя, из которого Орда сможет возродиться.

«Быстрее, быстрее. Торопитесь».

Дети облепили колени, они спешили по гладким ногам туда, откуда появились на свет, – в промежность. Материнская гордость отразилась на лице улыбкой, когда малыши пробирались внутрь, заполняя тело. Она принялась напевать колыбельную, которой ее научила мать, а Орда вливалась в нее тысячами пауков, живот начал распухать. Вскоре он стал огромным, словно в утробе лежала двойня. Вира'ни почувствовала, как дети устраиваются внутри, и улыбнулась.

Ее ноша – не пара близнецов, гораздо больше.

Как только чрево наполнилось, она сдвинула колени. Несколько опоздавших малышей попытались взобраться по ногам, но мать ласково стряхнула их и поднялась.

Вира'ни подошла к оставленным вещам, быстро оделась и повесила на плечо сумку. Лесная тропа пролежала совсем недалеко, но нужно спешить, если она хочет убежать от огня и выбраться из чащи.

Она быстро зашагала вперед, придерживая одной рукой мешок, а другую положив на живот. Улыбка играла на ее утомленном лице. Она такая хорошая мать.

Глава 4

– Не останавливайтесь! – крикнул Эр’рил, и сорванное горло засадило от дыма.

Задние колеса фургона зацепили горелое бревно, перегородившее тропу.

– Могвид, не жалея лошадей, гони!

Жаркий пепел каскадом осыпал тропу, и на тенте заплясали костерки – промедление было смерти подобно. Ветры элв’ина гнали пожар вперед, однако вдоль тропы рождались небольшие огненные очаги, обдававшие путников фонтанами искр. Хуже всего обстояло дело с повозкой: пламя кидалось на нее, точно на мишень.

– Гасите! – скомандовал Эр’рил, но Крал и Ни’лан уже подвели к фургону своих измученных лошадей и теперь поливали его из кожаных мехов.

Огонь потух, оставив черные пятна.

– Вода заканчивается, – сказала Елена, скакавшая рядом с воином.

Прижавшись к холке Дымки, она зашлась кашлем. Чем дальше путники продвигались в чашу, тем горячее становилось дыхание пламени, и теперь жар, страшивший больше пауков, казался почти невыносимым. А еще так далеко.

Эр’рил поправил маску, пытаясь скрыть беспокойство.

– Мы справимся, – пробормотал он.

– Мерик едва держится, – сказала Ни’лан, подъехав поближе. – Он не признается, но поводья в его руках так дрожат... А пару мгновений назад он чуть не выпал из седла.

– Придется продержаться, – ответил Эр’рил. – Если лес погаснет до того, как мы из него выберемся, ловушка захлопнется. Необходимо гнать огонь, останавливаться нельзя.

Словно в насмешку над его словами, резко звякнули колокольчики: фургон не справился с очередным упрямым бревном и ушел задними колесами в землю. Елена и Ни’лан одновременно взглянули на Эр’рила.

– Снова заявили. – Подоспевший Крал указал на левую обочину.

Воин проследил за его рукой. Казалось, пауки каким-то необъяснимым образом чувствуют, когда отряд замедляет ход. Отдельные группы время от времени пытались атаковать, но, к счастью, и сами двигались небыстро, потому, пока путники двигались, огонь и горячий воздух представляли для них гораздо более серьезную опасность. До сих пор...

С обеих сторон из леса на выжженную дорогу надвигались несметные полчища ядовитых тварей, ярко-красных на черной земле. Глеющие угли поглощали множество нападавших – их тела шипели, превращаясь в жесткие шарики, однако остальные неслись вперед, не замечая мертвых товарищей. Казалось, дым и ветер не мешают крошечным насекомым парить на тонких нитях, брызгая ядом. К странникам ползла, спешила, летела смерть.

Эр’рил оглянулся и, прищипав коня, подскочил к застрявшему фургону.

– Облегчить груз! – скомандовал он сидевшим внутри. – Скидывайте припасы!

Громадная рука Тол’чака распахнула заднюю створку, и Фардейл высунул морду. Огр полез наружу.

– Назад! – крикнул Эр’рил. – Внизу пауки. Просто выбрасывайте все.

– Я вешу больше всей нашей поклажи. – Игнорируя приказ, Тол’чак спрыгнул на землю. – У нашего брата толстая шкура, паучку ее не прокусить.

– И тем не менее, – рассердился станти. – Я скорее лишусь всех припасов, чем тебя.

Тол’чак хлопнул его по колену.

– Я тоже, – улыбнулся огр, обнажив клыки.

Тол’чак повернулся к повозке и, присев, схватил огромными ручищами заднюю ось. Мышцы на плечах вздулись и стали похожи на шишковатые корни, а в следующее мгновение огр поднял фургон, перенося тяжесть на передние колеса.

– Давай! – заорал он дрогнувшим от напряжения голосом.

В воздухе свистнул бич, и повозка дернулась, словно ужаленная. Удерживая ее на весу, Тол'чак со стоном прошел следом, и ноги по щиколотку погрузились в суглинок. Как только задние колеса миновали препятствие, огр разжал пальцы, и фургон с грохотом опустился на ровную тропу. Довольный собой, он потер ладони, счищая смазку, и вытащил ноги из хлюпнувшей грязи.

– Теперь поехали.

Огр перешагнул бревно и забрался внутрь.

Чувствуя, как едкий пот заливает глаза, Эр'рил, потрясенный силой товарища, не двигался. Трудно было поверить, что Тол'чака, такого тихого и сдержанного, природа наградила неправдоподобной мощью. Эр'рил решил, что, пожалуй, не стоит ссориться с этим членом команды.

– Пауки, – прервала его размышления Елена, остановившись рядом.

Передовой отряд ядовитой армии волной хлынул на тропу. В то же время фланговые соединения облепили черные стволы соседних деревьев и, раскачиваясь на тонких нитях, постепенно подбирались к путникам. словно наделенные общим разумом, насекомые действовали удивительно слаженно, преследуя единую цель – задушить Эр'рила и его товарищей в липких объятиях.

Воин резко развернулся в седле.

– Ни'лан, уходите с Эленой, догоняйте Мерику. Крал, останься со мной. Постараемся задержать этих тварей.

– М-мне ехать дальше? Мерик почти скрылся из виду, – пролепетал Могвид, высунувшись из-за края фургона.

– Поезжай вперед! – махнул рукой Эр'рил. – И не щади лошадей!

Развернув скакуна, воин проводил взглядом Элену и Ни'лан, скакавших к фургону. Еще мгновение он смотрел на свою подопечную и, убедившись, что приказ выполнен, обернулся к Кралу.

Всадник являл собой устрашающее зрелище: лицо скрыто капюшоном и маской, огромный вороной жеребец с ошалелыми глазами бьет копытом землю.

– Что ты задумал? – спокойно спросил Крал, не замечавший, казалось, наступающих полчищ.

Эр'рил спешился.

– Думаю выиграть время.

Выхватив меч, он плашмя ударил своего коня. Тот удивленно заржал и помчался навстречу паукам.

Насекомые налетели на топтавшие их копыта, словно единое существо. В следующее мгновение белые ноги и бока покраснели, облепленные крошечными телами. Животное взвилось и вытянуло шею от невыносимой боли, рот открылся в безмолвном крике. Оно повалилось на тропу, извиваясь в мучительной агонии, и вскоре затихло. Тут же тело оплели тонкие сети. Черный глаз, когда-то полный жизни, застыл тусклым шаром, по нему скакал пунцовый паук.

Убрав меч в ножны, Эр'рил отвернулся от пирующих тварей. Иногда приходится чем-то жертвовать.

Крал протянул ему руку, помогая взобраться на своего коня.

– Его звали Шишон, – сказал горец.

Воин устроился за спиной товарища. Зря тот сообщил ему кличку – безымянных легче забыть.

Крал развернул своего могучего скакуна и пустился за отступающим фургоном.

Эр'рил не оглядывался.

– Что случилось? – спросила Елена.

Побледневшая, она смотрела, как Эр’рил отвязывает одного из тяжеловозов, ведомых элв’ином. Станди молча сбросил на землю три сумы с припасами и забрался на широкую конскую спину.

– Не останавливайся, Мерик, – распорядился он. – Крал, проследи, чтобы мешки закинули в фургон, когда Могвид подъедет.

Кивнув, горец поворотил коня.

– Проверю-ка я наши тылы. Твоя лошадь помогла нам выиграть время, но не слишком много. – И он умчался прочь.

Когда Крал скрылся из виду, Елена подъехала к Эр’рилу, и вместе они поспешили за Мериком и Ни’лан, успевшими уже довольно далеко ускакать по затянутой дымом тропе.

– Что случилось с твоим конем?

Эр’рил напряженно смотрел прямо перед собой.

– Он умер.

Воин ударил пятками своего нового скакуна, давая понять, что тема закрыта.

Елена потеряла воспаленные глаза, оглянулась на дорогу, но увидела лишь, как покачивается скрипучий фургон, догоняя отряд. Отвернувшись от тропы, за изгибами которой скрывалась разгадка, девушка поспешила за наставником. По напряженности во всей его фигуре она поняла, что случившееся легло на плечи Эр’рила тяжким грузом – и, как всегда, он отказывался разделить эту ношу.

Елена поймала себя на том, что сильнее сжимает поводья правой рукой. Каким-то необъяснимым образом она вдруг почувствовала, что, если бы лучше владела магией, возможно, ей удалось бы уберечь Эр’рила от принятия решения, так давившего на него теперь. Она рассматривала перчатку, под которой пряталось красное пятно. От него, словно от крапивницы, зудела кожа – в напоминание, что истинное могущество не утаишь.

Наступит момент, когда наставника не окажется рядом и придется, разоблачившись, самой принимать решения. Будет ли она столь же сильна? Елена задумчиво вглядывалась в напряженную спину Эр’рила.

Придержав коня, Ни’лан поравнялась с ними.

– У нас неприятности. Примерно в лиге отсюда тропа спускается в глубокую впадину. Огонь перескочил ее и промчался поверху.

– А пауки? – спросил Эр’рил.

– Лес там остался нетронутым, Орда – тоже.

– А если объехать? – спросила Елена, подведя Дымку ближе.

– С фургоном не выйдет, – покачала головой Ни’лан. – Даже если мы его бросим, нам не пробраться через поваленные тлеющие деревья.

– Надо осмотреть этот участок, – сказал Эр’рил и, щелкнув поводьями, поскакал за Ни’лан.

– Это сразу за поворотом, Мерик ждет нас.

Путники ехали молча и вскоре увидели элв’ина – он лежал, откинувшись в круп чалой кобылы. Жар с каждым шагом становился все сильнее, теперь его жгучие прикосновения проникали даже под плащи. Когда они приблизились к Мерику, Елена уже хватала ртом воздух.

Элв’ин был не просто измучен – казалось, он почти иссяк, словно вместе с силами родной стихии из него улетучилась сама сущность. Когда лошади остановились, он холодно глянул на своих спутников, и Елена увидела под глазами глубокие черные тени.

– Справляешься? – спросил Эр’рил.

Мерик заговорил, и его губы треснули.

– Осталось выжечь примерно лигу. Столько я продержусь. – Он кивнул на широкий участок нетронутого леса внизу. – Но здесь я ничем не могу помочь. Чтобы управиться с главным огнем, необходимы все мое внимание и навыки.

Эр'рил кивнул и, обеспокоенно прищурившись, принялся изучать препятствие. Елена подъехала поближе, пытаясь понять, что за испытание их ждет. Тропа уходила в глубокую впадину, внизу выжившие деревья были окутаны паутиной и тишиной. Однако на серебряных нитях не кишели насекомые – ни намека на движение. Лес был безмолвен, точно труп. Эта совершенная безжизненность обеспокоила Элену гораздо больше, чем красные полчища на ветвях.

– Может, они испугались дыма, – не слишком уверенно предположила она.

– Я бы не надеялась на это, – ответила Ни'лан. – Пауки упрямо держатся своих гнезд. Готова поспорить: Орда поджидает нас сразу за сожженными деревьями.

– Тогда попробуем запалить участок вручную, – пробурчал Эр'рил.

Мерик вздохнул и покачал головой:

– Нет времени. Нельзя отставать от главного пожара, иначе твари вернутся в лес прежде, чем мы успеем по нему пройти. И сейчас медлить опасно: огонь уходит все дальше.

Грохот копыт отвлек отряд от впадины. К ним мчался Крал, почти сразу за ним показался фургон.

– Орда снова пошла в наступление и скоро нас догонит! Почему остановились?.. – Крал осекся, глянув вниз.

Пока Ни'лан объясняла, что произошло, Эр'рил изучал лес. Елена приблизилась, но говорить ничего не стала, зная, что наткнется на неприступную стену возражений. Пусть сам поймет: остался единственный шанс. А если начать убеждать воина, он не сможет сделать правильный выбор. Нужно только немного времени.

Девушка поняла, что воин принял решение, когда тот расслабленно опустил плечи. Поколебавшись одно короткое мгновение, он повернулся в седле, и Елена встретила его полный боли взгляд. Представляя, насколько мучительны для него будут слова просьбы, она просто кивнула. Оба знали, что это значит.

Эр'рил поворотил тяжеловоза и оказался лицом к товарищам.

В то же время подоспел фургон. Станди откашлялся, привлекая внимание.

– Есть там пауки или нет, придется идти через овраг.

В глазах путников появилось беспокойство, но никто не возразил.

– Надеюсь, лошадей хватит, – печально усмехнулся Крал.

Элена не поняла намека и не стала задумываться – не сейчас. Развернув Дымку, она оказалась лицом к темной чаше. Девушка сделала глубокий вдох.

Весь отряд молча собрался за спиной. Она сняла правую перчатку и увидела, что по руке мечутся рубиновые и малиновые завихрения магии. Выпрямившись в седле, Элена усилием воли распалила колдовской огонь. На открытой ладони расцвел розовый шар и тут же окутал пальцы.

Сосредоточиваясь, она скорее почувствовала, чем увидела, что Эр'рил остановился рядом.

– Пусть прибавит в силе, – хрипло прошептал он. – Но не позволяй завладеть собой. Магия исходит из тебя – тебе ею управлять.

Элена прикрыла глаза. Теперь рука ослепительно сияла на фоне тенистого леса. Магия потрескивала на коже – казалось, этот вихрь не удержать внутри. И как управиться с ней, выпущенной на свободу?

– Осторожно, – встревоженно предупредил Эр'рил.

Беспокойство передалось Элене, и она вдруг вспомнила, как родителей поглотил огонь, вырвавшийся из ее тела. Сияние на руке дрогнуло – она не справилась с собственной силой. По крайней мере, не лучше, чем тогда.

– Я не могу, – простонала девушка.

Эр’рил коснулся ее колена.

– Можешь, Эл. Магия у тебя в крови, она – часть тебя. Сумеешь взять в руки себя, справишься и с магией.

– Но...

Он сжал ее ногу.

– Доверься мне, Эл. Я знаю, все получится.

Поборов слезы, она взглянула на Эр’рила и нашла в твердом взгляде серых глаз, блеснувших сквозь упавшие на лицо черные пряди, подтверждение его словам. В жестких чертах теперь проступило все мужество человека, ставшего ее защитником. Элена кивнула: решимость воина будто перетекала в нее. Глубоко вздохнув, девушка снова повернулась к затянутому паутиной лесу. Освобожденным от сомнений сознанием полностью завладели мысли о потоках и приливах шумящей в крови магии. Несколько биений сердца – и на ладони появилось ровное яркое сияние.

У нее получится.

– Когда будешь готова...

– Хватит! – раздраженно рявкнула она. – Ты прав: я сама знаю, что делать.

Элена достала кинжал из ножен, висевших на поясе, и крепко сжала рукоять, украшенную розой. Серебряный клинок сверкнул, отражая пламя на ладони.

Магия жаждала крови, она гремела могучей песней.

И теперь она готова ее услышать.

Элена провела острием по большому пальцу, и сила вырвалась из заточения – холодный огонь хлынул в мир.

Улыбка скользнула по губам, и девушка тут же прогнала ее, опасаясь рассеять внимание. Но где-то в самых глубинах своего существа – там, куда и заглядывать страшно, – Элена ликовала, она смеялась от восторга.

Неистовый рев преследовал Вира’ни от самой поляны. В бровях мерцали капельки пота, и она едва не задыхалась, когда наконец выбежала на опушку. Пепел тонким налетом лежал на волосах и зеленой куртке, слезы размывали гарь на щеках. Подкашивались ноги, но она не останавливалась, гонимая песней огня.

Вира’ни прижимала руку к животу, будто в напоминание, что не может позволить усталости взять верх. Ее задача – сохранить семя Орды, не допустить гибели дара Темного Властелина. Она представила, как огонь пожирает ее детей. Поджигатели дорого заплатят за свою подлость – да, они настрадаются за это преступление. Ярость заставляла передвигаться ее ослабевшие ноги.

Еще несколько шагов и мучительных вдохов, и Вира’ни, выбежав из леса, очутилась в зеленой долине. Она вошла в широкий горный поток и взглянула на раскинувшиеся впереди поля. Лучи заходящего солнца, запятнанного черным дымом, раскрашивали траву в розовые и золотистые тона. Тут и там росли молодые дубки, а в лужицах талой воды кружили хородами дикие нарциссы, возвещая о приходе весны. Среди холмов тысячи веселых ручейков, питавших молодую зелень, прокладывали себе путь.

Оставив позади нависающие ветви и паутину своих малышей, Вира’ни вдруг почувствовала себя беззащитной и уязвимой. Она невольно замедлила шаг на пути из высокогорного леса в далекие равнины и поминутно оглядывалась на пурпурные сполохи пожара

в потемневшем небе. Огонь рычал разъяренным зверем, будто понимая, что ей удалось ускользнуть.

Она побежала. Может, пожар будет сыт и лесом? Или сочная луговая зелень утолит наконец его аппетит?

Вира'ни неслась вперед, едва переставляя ноги и прижимая мокрую от пота ладонь к животу. Даже когда солнце за спиной ушло за горизонт, она заставила себя двигаться дальше. Как только она уверится в том, что Орда в безопасности, можно будет отдохнуть и рассказать господину о произошедшем. Пока же, пробираясь сквозь траву и мелкие ручьи, Вира'ни то и дело озиралась.

Всецело поглощенная преследовавшим ее пламенем, беглянка не замечала небольшой охотничий лагерь, спрятавшийся у подножия холма, пока не наткнулась на палатки.

Она замерла, оценивая опасность. Десяток мужчин в куртках из зеленой кожи и высоких сапогах расположились вокруг трех костров, несколько женщин нависли над котелками и вертелами с мясом. Пара детишек с интересом поглядывали на нее из-за ног взрослых.

Все на мгновение застыли, а когда пес, привязанный возле палатки, зашелся лаем, снова зашевелились. Вира'ни попятилась, и охотники принялись подталкивать друг друга, обмениваясь удивленными взглядами, кто-то заговорил. Мясо снова завертелось над огнем, широкоплечая женщина шлепнула собаку, заставляя животное замолчать.

Один мужчина отделился от группы и подошел к Вира'ни – волосы и широкие усы песочного цвета, на голову выше остальных, губы сурово поджаты, зеленые глаза недоверчиво прищурены.

– Что ты бродишь здесь одна, девочка?

Вира'ни съехала под его взглядом и тряхнула головой, пытаясь спрятать лицо за длинными прядями. Она, все еще не оправившись от потрясения, не могла вымолвить ни слова.

– Где твои спутники? Они...

Коротко стриженная светловолосая женщина, не уступавшая охотнику в росте, отпихнула его локтем.

– Добрая Матушка! Джоса, ты не видишь, что она на сносях да к тому же перепугана до смерти? – Она настойчивее подтолкнула мужчину. – Займись лучше своим псом, пока он не удушился собственной привязью.

Как только Джоса повернул к лагерю, женщина подбоченилась и внимательно оглядела Вира'ни.

– Не бойся, девочка, – сказала она ласково. – Меня зовут Бетта. Здесь ты в безопасности. Просто глубоко вдохни пару раз и успокойся.

Выпрямившись, Вира'ни откинула с лица черные пряди.

– Пожар... – начала она, но голос подвел.

– Да понятно – вся в саже с ног до головы. Так ты пришла из леса? Путешествуешь одна?

– Да... Нет... Мои дети! – Вира'ни разрыдалась.

Ноги отказали ей, и Бетта подхватила несчастную громадными руками. Вира'ни упала на широкую грудь, позволив обнять себя. Как хорошо наконец ощутить поддержку. Только женщина в состоянии понять, что чувствует мать, потерявшая дитя, – каково выносить в утробе новую жизнь и видеть, как мир ее уничтожает. Она плакала, не в силах успокоиться, а Бетта гладила ее по голове и шептала на ухо утешения.

Проводив в палатку, где их никто бы не потревожил, и устроив девушку среди подушек, Бетта велела волоокой помощнице принести чашку чая. Вира'ни начала потихоньку приходить в себя. Она позволила стереть со своего лица сажу и слезы холодным влажным

лоскутом. Гостья попыталась сказать, насколько она признательна за внимание и чуткость, но Бетта приложила к ее губам палец.

– Выпей, а потом поговорим.

Женщина протянула чашку горячего мятного чая, и его аромат согрел Вира'ни и наполнил силами.

Она молча потягивала чай, наслаждаясь его теплом, разлившимся, казалось, до самых кончиков пальцев. Когда маленькая чашка опустела, Вира'ни почувствовала, что теперь может сдерживать слезы.

– Спасибо, – робко проговорила она.

Бетта опустила на подушки рядом.

– А теперь расскажи, что случилось. В лесу кто-нибудь остался? Мы отправимся на поиски.

Вира'ни разглядывала свои руки, пытаясь унять дрожь в голосе.

– Нет, со мной были только мои дети.

– Они спаслись?

Она покачала головой.

– Огонь застал нас врасплох. Он надвигался слишком быстро... Я не смогла уберечь всех. – Она заговорила громче, и Бетта накрыла ее руку своей.

– Тише, милая, не казись. Ты спасла того, кого могла спасти. – Она кивнула на огромный живот. – Отдыхай. Нужно набираться сил ради малыша.

Поборов слезы, Вира'ни кивнула.

Бетта поднялась на ноги и собралась выйти из палатки.

– Пожар очень сильный, – предупредила гостья. – Он может прийти и сюда.

– Не волнуйся. Эти земли хорошо нам знакомы: огню не выбраться из леса через залитые талой водой весенние луга. Но даже если подобное случится, мы мигом свернем лагерь и оседлаем коней. Спи спокойно, мы сбережем тебя и твое дитя.

– Ты очень добра.

Вира'ни хотела поудобнее устроиться на подушках, но вдруг резкая боль пронзила живот и метнулась к сердцу. В глазах потемнело, и она вскрикнула, когда внутри все обожгло огнем. На мгновение она увидела то, чему были свидетелями тысячи ее лесных детей: маленькая женщина верхом на лошади, воздетая рука сияет, точно крошечное рубиновое солнце... Смерть полилась из ладони и поглотила окружающее. Смерть, более ужасная, чем пламя... Смерть, рожденная устрашающей магией!

Так же быстро, как возникли, боль и видение исчезли, оставив только пустоту в груди. Бетта в беспокойстве склонилась над ней.

– Что такое, ребенок?

Вира'ни промолчала. Перед глазами стояла незнакомка, озаренная своим сверкающим кулаком. Теперь понятно, кто идет по пятам, сжигая на своем пути ее малышей, – ведьма! Та самая, о которой мечтал повелитель! Дрожащие пальцы скользнули к белой пряди, спрятавшейся в черном каскаде. Нужно выполнить долг перед господином.

Она побледнела, осознав, как близка была к провалу. Колдунья завладела лесом и едва не улизнула – но допустила ошибку. Властелин научил свою рабу чувствовать магию: едва потоки коснулись Орды, их мать обожгло пламя. Глупая девчонка! Теперь Вира'ни не подведет своего господина – и погибших детей. Она заставит мерзавку страдать, извиваясь в мучительной агонии, как корчились ее малыши в охваченной огнем паутине.

Но понадобится помощь. Вира'ни подняла голову и, заглянув в обеспокоенное лицо Бетты, увидела в ней возможного союзника – того, кто поможет ей исполнить долг. Она убедит добрую женщину.

В глазах снова стояли слезы.

– Я вспомнила! – громко простонала Вира'ни. – Мое сознание пыталось стереть, прогнать ужас. Но теперь все вернулось. Огонь и смерть!

Она приподнялась с подушек и схватила Бетту за руку.

– Те, кто поджег лес и убил детей, идут сюда.

Бетта вытаращилась на нее, затем прищурилась.

– Ты знаешь, кто устроил пожар?

– Да, да! Она едет с большим отрядом. Я видела фургон. – Вира'ни заставила себя содрогнуться. – Они уничтожают все живое на своем пути.

– Кто они?

Вира'ни выпрямилась и хрипло проговорила:

– Подлые убийцы! Мучители детей. Не люди – чудовища!

В глазах Бетты вспыхнула ненависть; губы побелели, и она быстро проговорила:

– Старейшины предупреждали, что лес осквернен злом, и ядовитые чудовища указывают на то, что это порча. Нас сюда отправили наблюдателями, чтобы не позволить паукам выбраться из леса и заполнить луга. В течение долгих лун твари прятались среди деревьев, страшась яркого солнечного света. Но теперь... Добрая Матушка! Если то, что ты говоришь, – правда, значит, скверна протянула к нам свои грязные пальцы, и огонь указывает на ее приближение! – Она высвободила руку, которую держала Вира'ни. – Я должна предупредить наших. Чудовищам здесь не место.

Вира'ни видела, как Бетта с громким криком выскочила из палатки.

«Нет, детоубийцы дальше этих холмов не пройдут», – подумала она, поглаживая свой огромный живот, и на губах появилась ядовитая паучья ухмылка.

Глава 5

Магия текла реками холодного пламени с открытой ладони Элены, танцевала блуждающими огоньками вокруг запястья. От напряжения в бровях поблескивали бусинки пота – девушка всеми силами удерживала энергию на привязи. Эр’рил обучал только основам, которые уяснил сам за время служения Ордену, и со сложными манипуляциями она пока не справлялась.

Впрочем, неподготовленность с лихвой окупалась природной одаренностью: мало что выживало под ударами дикой магии. Поток ледяного пламени омывал опутанную паутиной впадину, и все, чего он касался, мгновенно превращалось в лед, покрывалось инеем. С громким треском лопались стволы, замерзшие корни вырывались из-под земли, с грохотом падали могучие дубы и клены. Заиндевшее кружево тончайших нитей рассыпалось на тысячи осколков даже от легкого ветерка.

Облако холодного тумана, поднявшееся над лесом, гнали в дымное небо все новые всплески метавшейся в овраге магии. Стужа, не более милосердная, чем огонь, жадно поглощала деревья и их обитателей. Два пожара, равные по разрушительной силе в своих крайних проявлениях, пожирала все на своем пути. Размышляя о собственных невероятных возможностях, Элена смотрела, как в небе сливаются белая мгла и черный дым. Эр’рил рассказал, что характер магии определяется восстанавливающим светом: солнце дает ей власть над огнем и зноем, лунный свет – над льдом и морозом. Получается, магия отражает ее сущность, делимую двумя крайностями – женщиной и ведьмой.

Над головой ледяная пелена схватилась в неистовом вихре с черным дымом – и там борьба за главенство. Остекленевшие листья дребезжали, точно кости мертвецов; ветви, трескаясь, взлетали в воздух. Само небо стонало, явившись полем невероятной битвы.

Неистовство охватило Элену, магия пела в ее крови, звала в бой. Сердце отчаянно ухало в груди в такт симфонии разрушения. Девушка боролась с ее заманчивыми призывами так же яростно, как дым пытался победить туман, однако другая часть существа – ведьма – ликовала, присоединившись третьим голосом к треску голубого пламени и вою ветров.

Элена зажмурилась и сосредоточила все внимание на себе, стараясь выровнять дыхание. Она прислушивалась к собственному телу: к мышцам и сухожилиям, к связкам и костям, к крови и жизненно важным органам. Девушка почувствовала боль на внутренней поверхности бедер от длительных верховых переходов, пульсирующий синяк на плече, заработанный ударом о низко нависшую ветку, даже с некоторой нежностью ощутила, как у нее набухает грудь. Она больше чем потоки дикой магии. Она – женщина, и одно это уже волшебство.

– Элена, ты справишься с оврагом, – вторгся голос Эр’рила. – Достаточно.

Она едва заметно наклонила голову, не открывая глаз. Действительно, не время любоваться ужасающей красотой текущей по венам силы – медленно опуская ладонь, она почувствовала, что пальцы промерзли до самых костей. А если при попытке сжать кулак они отвалятся? Девушка осторожно, один за другим, точно цветок, смыкающий лепестки на ночь, заставила их подчиниться, заглушив поток холодного огня. Отголоски магии возмущенно запротестовали, и рука задрожала от едва сдерживаемой силы. «Еще! – пела кровь. – Испытай свое истинное могущество!» Один палец потихоньку распрямился, и тут ее снова остановил голос, но на сей раз в нем не слышалось акцента станди:

– Нет!

Сама Элена взывала к энергии, бушевавшей внутри и снаружи. Она напрягла кулак, чувствуя, как в сжатой ладони пульсирует сердце. Девушка усилием воли успокоила его бег. Веки были по-прежнему сомкнуты, но она знала: ослепительно-алмазное сияние на ладони превратилось в привычное уже красное пятно. Рука упала на колени.

– Добрая Матушка, девочка! – выдохнул Крал, подъехав ближе. – Ты только посмотри!

Элена открыла глаза и увидела наконец, что творится вокруг. Овраг серебрился, скованный стужей; толстый слой инея покрывал сучки и листья; тысячи ледяных копий, достигавших в длину мужского роста, усеивали стволы и ветви. Они не клонились к земле, а торчали вертикально, как если бы их метал сильнейший ветер. Девушка поняла вдруг, что сама напустила ураган на сверкающие шипы.

Пока Элена изучала плоды своих трудов, дымное небо на мгновение прояснилось и замерзшую впадину залило закатное солнце. Лучи коснулись льда, и в воздухе расцвели тысячи радуг – будто из сна путникам на мгновение явился сказочный хрустальный лес.

– Как красиво, – хрипло прошептала Ни'лан. – Словно застывшая песнь деревьев.

Элена отвела взгляд: эта неправдоподобная красота таила гибель и разрушение. Слезы обожгли ее замерзшие щеки – смерть не должна быть столь прекрасной.

– Что такое? – спросил Эр'рил. – Ты ранена?

Элена покачала головой и взглянула на руку: даже на пронзенном кинжалом пальце не осталось и следа – ранка заросла. Перемены произошли только с правой кистью: магия вытекла из пореза, и краснота практически сошла. Вместо рубиновых вихрей на ладони осталось розовое пятно, словно от сильного солнечного ожога. Чтобы уничтожить лес, потребовался почти весь запас колдовской энергии, от которой остался лишь бледный след. Элена показала руку Эр'рилу.

– Я в порядке. Но вот магии почти не осталось.

Посмотрев на ее руку, воин кивнул.

– Ничего, теперь мы выберемся из леса, а ты всегда сможешь пополнить запас магии, когда она полностью иссякнет.

– Зачем ждать? Можно ведь восстанавливаться постепенно. – Она опустила руку. – Разве не безопаснее для всех нас, если я буду постоянно наготове?

– Вот теперь ты рассуждаешь как настоящая ведьма, – фыркнул Эр'рил, и обеспокоенность на миг исчезла с его лица. – Мой брат Шоркан постоянно на это жаловался. Многие маги его времени пытались пополнить запас магии прежде, чем он весь выйдет, и неизменно терпели неудачу.

– А если сначала израсходовать остатки?

Эта идея казалась Элене очень разумной, но от мысли, что ей снова придется открыться неистовой силе, у нее сжалось сердце. Лицо наставника потемнело от беспокойства, голос прозвучал напряженно:

– Нет, даже не думай. Магия – это дар, и он не терпит легкомысленного обращения. Используй его только ради истинной цели. А пока оставь все как есть. – Станди сжал пятками бока коня и махнул рукой остальным. – А теперь – в путь.

Элена догнала его.

– Почему же? Какая разница? Разве нельзя пользоваться собственной силой, когда хочешь?

– Это опасный путь, Элена, – не глядя на нее, ответил Эр'рил. – Небрежное и безрассудное колдовство в мои времена развратило многих магов.

Он молча ехал по тропе, не замечая, казалось, ледяного леса вокруг. Решив, что разговор закончен, девушка было отвернулась, но воин вдруг резко оборвал молчание:

– Опьяненные своим могуществом, вскоре эти маги морально погибли. Так появилось Братство Темных Магов. – Он перевел на нее взгляд. – Уясни: не только смерть грозит тому, кто бездумно растрчивает дар. Подобное поведение чернит, разлагает душу.

Элена понимала, что наставник прав: она сама испытала соблазнительный зов, и часть ее существа откликнулась на дикую песнь силы – девушку передернуло. Как скоро ведьма пересилит ее? Дрожащими пальцами она натянула перчатку и твердо решила использовать

магию только в безвыходных ситуациях, но даже и тогда думать дважды, прежде чем принять ее помощь.

Эр'рил что-то пробормотал.

– Ты мне? – спросила Елена, усердно пряча правую руку.

После долгой паузы воин поднял на нее полные боли глаза.

– Тебе нужен лучший наставник. Я слишком мало знаю, чтобы обучить тебя всем тонкостям управления магией, и я не подскажу, как уберечь душу. Неопытность в обращении с подобной силой таит огромный риск.

Впервые Елена увидела, насколько глубокие страдания скрываются за жесткими, словно вырезанными в камне, чертами его лица, и поняла, что эта неистовая энергия принесла горе не только ей.

– Я справлюсь. Ты хороший учитель. – Она криво улыбнулась. – Да и выбирать не приходится: ты – мой единственный наставник.

Его лицо потеплело.

– Как бы там ни было... Соблюдай осторожность.

– Обязательно, – пообещала она.

Подъехали Мерик и Ни'лан. Элв'ин сильно клонился вперед, но, вцепившись в лук седла, старался держаться прямо.

– Пожар подбирается к границе леса, – прохрипел он. – Мы потеряли слишком много времени. Нужно выйти прежде, чем Орда снова захватит выжженный проход.

– Тогда поезжай вперед. Ни'лан, держись рядом и помоги Мерику.

Повернувшись к фургону, ползущему позади, Эр'рил крикнул:

– Могвид, не жалея лошадей! Нужно обогнать пауков!

Оборотень кивнул, и Елена увидела его бледное, искаженное страхом лицо. Свистнул бич, и фургон помчался вперед – Тол'чак и Фардейл вывалились из повозки и побежали рядом. Елену поразило, как быстро и ловко двигается громадный огр.

Однако Эр'рил был далек от восхищения.

– Нет! Забирайтесь внутрь! – рявкнул он. – Мы не сможем ждать, пока вы догоните фургон!

– Лошади пойдут быстрее, если облегчить ношу, – спокойно ответил Тол'чак, огромными прыжками нагоняя повозку. – Огры быстро бегают – по крайней мере, на короткие расстояния. Я продержусь до границы леса. Мы с Фардейлом не задержим вас.

Эр'рил явно сомневался.

– Пауки...

Тол'чак показал на обочину – плененные льдом, насекомые походили на красные крапинки внутри алмаза.

– Вряд ли они нас догонят.

Мгновение поколебавшись, воин принял решение и крикнул Кралу:

– Держись сзади! Прикрой тылы!

Крал отсалютовал и занял место за развевающимся тентом.

Эр'рил натянул поводья, пуская коня быстрее.

– Твоя кобыла продержится до конца тропы? – спросил он Елену, скакавшую рядом.

– Дымка справится. Устанет, но, думаю, вынесет меня из этого проклятого леса.

– Тогда вперед. – Воин сильнее ударил в бока скакуна. – Осточертели мне эти деревья. Скорей бы уж выбраться.

Елена ласково уговаривала лошадку не отставать – Дымка фыркнула и вскинула голову, радуясь, что можно прибавить шаг. Девушка держалась наставника, глядя в его широкую спину.

Всадники преодолели уже полпути по мертвому оврагу. Ветви сплетались над головами ледяной крышей, Мерик и Ни'лан, скакавшие впереди, превратились в крошечные фигурки. Елена видела, как они мчатся сквозь замерзшую паутину и нити, рассыпаясь на тысячи блистающих осколков, мечутся невесомой снежной пылью. Она натянула на лицо маску, упавшую во время колдовского ритуала, ей не хотелось, чтобы даже эти крошечные частички зла касались кожи. Ее передергивало всякий раз, когда они садились на плащ и капюшон. Дымка испуганно ржала, и Элене не приходилось подгонять кобылку.

Вскоре путники, благополучно выбравшись из впадины, вернулись в выжженный лес. Но радость была недолгой. Жар за несколько мгновений согрел Элену, и вскоре, поглощенная ядовитым дыханием огня, она закашлялась. Расстояние между ней и Эр'рилом быстро росло, за спиной слышались колокольчики настигавшего фургона. Наклонившись вперед, девушка погладила взмокшую лошадиную шею.

– Давай, девочка, ты сможешь, – уговаривала она, чувствуя, как горячий воздух обжигает горло. – Еще чуть-чуть.

Дым и пепел скрывали тропу, но она надеялась, что не обманывает своего питомца. Некоторое время назад Елена потеряла из виду Мерика и Ни'лан, а теперь и Эр'рил превратился в призрачный силуэт. Она хотела окликнуть его, но сообразила, что в том нет нужды: он не заставит Дымку бежать быстрее.

Она похлопала лошадку по боку и ласково шепнула ей на ухо, что необходимо поспешить. Та в ответ громко фыркнула – копыта застучали по земле. Бока тяжело вздымались, кобыла сражалась с дымным воздухом. Фигура Эр'рила постепенно обретала более четкие очертания, и Елена пропела Дымке на ухо:

– Умничка. Я знала, что ты справишься.

Вдруг, зацепившись за корень, кобыла нырнула вперед. Елена отчаянно взмахнула руками, изо всех сил стараясь удержаться, но почувствовала, что падает. Она приготовилась к сильному удару о землю, но ее подхватили сильные руки.

Девушка подняла голову и увидела жуткое клыкастое лицо – Тол'чак. Он бежал, одной рукой прижимая ее к груди, и щека терлась о жесткую, словно кора, кожу. Потное тело огра пахло мокрой козлиной шкурой. Краем глаза Елена заметила, как черной тенью мимо проносясь волк, а следом – Дымка.

– Спасибо, Тол'чак, – выдохнула она. – Я бы точно ноги переломала. Дальше могу сама.

– Времени нет, – проскрежетал, точно жернова, огр. – Пауки настигают со всех сторон.

Элена посмотрела на обочину. Она была настолько поглощена тропой, что не заметила смертельной угрозы. Тысячи блестящих глаз следили за ней из окутанного дымом леса. Красные потоки текли к путникам единым разумным существом. Пышущая жаром земля поглотила сотни их собратьев, но иные сотни теперь перебирались по телам, как по мосту. Казалось, армию толкает вперед одна – общая – цель, одно сознание. Элена поняла, почему их зовут Ордой.

Продвигаясь огромными скачками, огр не сбавлял хода, однако теперь горбился от усталости. Чтобы поддерживать равновесие, он на бегу опирался о землю свободной рукой. Полуживотное-получеловек, Толч'чак невероятно быстро мчался по лесной тропе.

Послышался грохот копыт, и вскоре с ними поравнялся Крал.

– А ты ловкач, огр, вовремя подхватил девочку! Но теперь я ее заберу.

Роршаф, огромный боевой конь горца, казалось, совсем не устал и теперь пританцовывал на стальных подковах, вороная грива развевалась на ветру.

Тол'чак не спорил: никакого ненужного героизма, только здравый смысл. Элена почувствовала, как ее перекинули в седло. Крал усадил девушку перед собой и что-то скомандовал Роршафу на гортанном языке горных лошадей – конь молнией ринулся вперед. Деревья

стали зеленой стеной, и всего через мгновение всадники, пролетев мимо Дымки, догнали Эр'рила.

– Эй! – завопил Крал. – Орда наступает со всех сторон. Чтобы выбраться из леса, нужно прибавить ходу.

Стянув с лица маску, воин удивленно посмотрел на Элену. Оглянувшись, он увидел быстро нагонявшую Дымку.

– Что случилось? – пробормотал он и тут же покачал головой. – Ладно, не важно. Крал, вывези ее из леса. Я помогу Тол'чаку с фургоном.

Крал молча кивнул и помчался дальше. Елена намертво вцепилась в вороную гриву Роршафа, стрелой летевшего сквозь дым. Она вдруг поймала себя на том, что едва дышит от страха – не за себя, за тех, кто остался позади, с пауками.

Крал наклонился к ней и прошептал:

– Похоже, уже совсем недалеко.

Хотелось верить, но кто знает наверняка, где обрывается тропа? Она напряженно вглядывалась в завесу вихрящихся дыма и пепла. Неужели этому конца не будет?

Словно в ответ, черная стена на мгновение расступилась, и показалось зеленое поле – всего лишь на расстоянии выстрела из лука. Порыв ветра нагнал гарь, и тропу снова затянуло. Мираж? Обман зрения, рожденный надеждой?

– Хвала Доброй Матушке, – пробормотал Крал себе под нос и пришпорил Роршафа. – Ты же все видел, старый мешок с костями! Давай, выбирайся из дрянного леса!

Роршаф сердито фыркнул. И, словно чтобы устыдить хозяина, явил истинный дух породы – он будто обернулся ветром. Сильные тугие мышцы рождали столь легкий и стремительный галоп, что казалось, конь летит, не касаясь копытами земли.

Еще мгновение, и жеребец вынес всадников из темного душного леса в свежую зелень холмов и лугов. С воплем ликования Крал натянул поводья, давая понять Роршафу, что тот может замедлить бег. Огонь опалил высокую траву на четверть лиги, но разлившиеся ручьи и буйная растительность остановили его, остались лишь угольки. Горец повел коня широким кругом – копыта зашлепали по сырой земле.

Элена восторженно провожала последние лучи закатного солнца, проникавшие сквозь просветы в затянутом дымом небе; полевые цветы яркими островками раскинулись на пологих склонах – все-таки они выбрались из проклятого леса!

Неожиданно из знойного марева за спиной выскочила кобыла и промчалась мимо.

– Дымка! – позвала Элена, но маленькая серая лошадка, перепуганная до смерти, неслась к холмам. – Крал, нужно догнать ее...

Горец поднял руку, заставляя ее замолчать. Вытянувшись в седле, он оглядывал поле, медленно ведя коня по кругу.

– Где же Ни'лан и Мерик? – пробормотал он. – Они должны были...

Вдруг над ухом просвистело, и Крал свалился с седла, чудом не утащив за собой Элену. Девушка ошарашенно оглянулась: всадник лежал на спине, из плеча торчала оперенная стрела. Хватая ртом воздух, он попытался сесть. Сумев приподняться на локте, горец что-то быстро скомандовал на языке горных лошадей.

Роршаф колебался.

– Скачи, чертова навозная куча! – прорычал Крал. – Рор'ами дестро, Роршаф, ном!

Боевой конь громко заржал и, резко развернувшись, помчался в луга – Элена отчаянно вцепилась в гриву. Над головой просвистело сразу несколько стрел.

Не в силах сдержать слезы, девушка припала к вороной холке. Жеребец черным вихрем мчался по пустынному полю. Где остановятся они? Элена бросила через плечо быстрый взгляд – лес стремительно исчезал из виду. Роршаф миновал вершину холма, и деревья полностью скрылись. И вместе с ними – все, чем она в этом мире дорожила.

Глава 6

Оставшись в палатке одна, Вира'ни обнажилась и встала коленями на подушку, поудобнее пристроив огромный живот. Эбеновая чаша лежала перед ней на маленьком дубовом подносе – темный огонь, пожрав слабый свет свечи, плясал по поверхности. Камень сосуда начал поглощать тепло, и она дрожала, прислушиваясь к каждому шороху.

В лагере остались немногие. Среди этого народа кочевников охотника ценили по умениям, и не важно, кто натягивал тетиву – мужчина или женщина. Вот почему почти все взрослые отправились готовить засаду среди высокой луговой травы. Теперь только дети под присмотром двух пожилых женщин да горбатый старик бродили среди тлеющих костров.

Дождавшись, когда лагерь опустеет, Вира'ни приступила к подготовке ритуала. Она произнесла заклинание и пожертвовала кровь, а потом принялась ждать. Снаружи царил тишина, время пришло.

Склонившись, она повторила последние слова и почувствовала, что дух Черного Сердца возник в темном пламени. Тени в палатке сгустились, стало трудно дышать. Вира'ни не поднимала головы. На улице залаяла собака, но ее быстро успокоили. В животе, ощутив присутствие повелителя, заволновались дети. Согнувшись, она подобострастно прижалась лбом к краю чаши.

Из глубины черного огня смертоносным ядом потек голос Черного Сердца:

– Зачем ты зовешь меня?

– Чтобы сообщить вам, мой господин, что та, кого вы ищете, пришла. Я видела ведьму и познала жар ее магии.

– И она все еще жива?

– Я соткала паутину. Она от меня не уйдет.

– Не должна уйти! – Его гнев змеей сдавил Вира'ни горло. – Проклятая девчонка может затеряться на просторах равнин и пробраться ко мне. Не допусти этого!

– Орда... – от страха во рту пересохло, – и я, мы вас не подведем, господин. Доверьтесь вашим слугам.

Резкий ледяной смех заглушил потрескивание темного пламени. Посреди эбеновой чаши сгустились чернильные тени. То был не мрак безлунной ночи, но полное отсутствие света и какого-либо вещества – словно сама смерть смотрела на нее. Внутри все сжалось от ужаса. В палатке стало холоднее, чем в самой глубокой могиле. Прикусив нижнюю губу, Вира'ни почувствовала привкус железа.

Из угольной пустоты приблизился голос господина:

– Довериться? Ты молишь меня о доверии?

– Д-д-да, повелитель.

Непроглядный мрак переполз через край чаши и направился к ней.

– Я покажу тебе все свое доверие.

Вира'ни в ужасе зажмурилась. В уголках губ скопилась кровавая слюна.

– Господин, прошу вас...

Даже с закрытыми глазами она видела, как тьма медленно подбирается, и знала: все, чего он коснется, будет навечно изуродовано шрамами. Вира'ни скорчилась, точно свинья под ножом мясника.

Почувствовав прикосновение Черного Сердца к колену, она вскрикнула. Нет, нет, нельзя шевелиться: повелитель не любит, когда слуги сторонятся его, – этот урок она выучила еще в подземелье Блэкхолла. Вира'ни замерла, загнав сознание в тайный уголок своего существа – туда, где она надеялась укрыться. За три зимы, что провела в подземельях крепости гал'готалов, она нашла способ сохранить рассудок. Затаившись в убежище, она

почти не ощущала теперь ледяного пальца, поднимавшегося по внутренней поверхности бедра.

Вира'ни напевала песни, которым среди лодок и рыболовных сетей, на обдуваемом ветрами северном побережье родной деревушки, научила ее мать. Она плотнее закуталась в мелодии о потерянной любви и чудесах жизни. Здесь никто не мог причинить ей вреда, не мог прикоснуться – здесь она была в безопасности.

Неожиданно что-то ворвалось в ее теплый кокон – ослепительная мука хуже той, что довелось испытать в темнице. Ресницы взметнулись, но, ослепленная болью, Вира'ни видела только мрак, пронизанный алыми молниями. Когда боль немного отступила, частично вернулось зрение, и с ее губ сорвался стон. Черная пуповина щупальцем жуткого морского чудовища тянулась из ее утробы к эбеновой чаше. Она пульсировала, наполняя тело темной силой, – плоть жгло, точно каленым железом. Задыхаясь, Вира'ни не могла закричать и теперь лишь извивалась на конце огненного поводка. Только давняя привычка к магии Темного Властелина не позволяла сердцу разорваться. Впрочем, сейчас смерть стала бы самым желанным гостем.

Боль постепенно погасла, оставив за собой тлеющие угольки. Голос проник в ее сознание мерзкими пиявками, высасывающими волю, и он был хуже гибели.

– Ощутила всю глубину моего доверия, Вира'ни? Я жалую тебе новый дар. Я превратил Орду в нечто иное.

– Мои малыши! Нет!

Моральные терзания, значительно сильнее страданий плоти, захлестнули ее.

– Успокойся, женщина, ты полюбишь и это дитя. – Мерзкая пуповина, еще раз сжавшись, скользнула в чашу. – Возрадуйся моему последнему дару.

В утробе закопошились ледяные черви. Они облепили ожоги и унесли страдания. С губ слетел вздох удовольствия, когда боль полностью отступила и внутри стало прохладно и тихо. Обессиленная, она повалилась на подушки, сжалась в комок и обхватила огромный живот.

Вира'ни ощущала шевеление чего-то могучего, до краев полного черной энергией господина. Обнимая брюхо, она радовалась силе движений своего будущего ребенка. Она закрыла глаза и улыбнулась: повелитель, как всегда, прав. Теплое сияние наполнило все ее существо, на глазах выступили слезы. О да, она уже полюбила дитя.

Вира'ни раскачивалась взад и вперед на подушках, зная, что осталось совсем недолго. Ее плод, истинное семя Темного Властелина, появится на свет сегодня ночью.

Эр'рил ехал на своем тяжеловозе следом за фургоном.

– Еще немного, Могвид! – крикнул он, осознавая фальшивость собственных слов. – Мы справимся!

Воин старался не обращать внимания на наступавших со всех сторон пауков, но их неумолчный шелест острыми коготками терзал мозг.

– Тол'чак, они догоняют.

– У меня чуткие уши, житель равнин. Я слышу.

Огр толкал повозку, помогая коню.

Эр'рилу казалось, что товарищ бежит слишком медленно, – он рискнул оглянуться: тропа вздымалась красным морем, до Орды оставалось не больше трех лошадей.

– Нужно еще быстрее, – пробормотал он себе под нос.

Вдруг впереди громко залаял волк – конь метнулся назад, к паукам, и воин с трудом удержал его. Фургон дернулся, и Тол'чак чуть не упал в грязь. Он, спотыкаясь, промчался несколько шагов и, восстановив равновесие, поспешил следом. Лай, время от времени перемежаемый глухим рычанием, не стихал.

Пришпорив лошадь, Эр'рил поскакал вперед.

– Продержишься до конца тропы? – спросил он, поравнявшись с огром.

Тяжело дыша, Тол'чак кивнул своей массивной головой:

– Убери с дороги эту неуклюжую телегу и увидишь, сколь быстры мои ноги.

Эр'рил щелкнул поводьями и вскоре увидел, в чем дело.

Кусая лошадей, Фардейл ловко уворачивался от копыт – он гнал перепуганных животных, и его глаза в дымном сумраке сверкали янтарем.

Возможно, есть шанс...

Ветер разметал пепел и сажу, и путники увидели просвет. Но недолгое облегчение сменилось ужасом: между ними и свободой волновалась паучья армия. Орда обошла их с флангов. Но как?

И тут примерно в четверти лиги впереди, там, где обрывалась тропа, Эр'рил заметил лесную речушку. По ее сырым берегам полчища и пробрались через сожженный лес, отрезав им путь к спасению. Отряд был окружен.

Могвид, похоже, тоже заметил новое препятствие и натянул поводья.

– Фардейл, хватит! Оставь лошадей! – завопил оборотень. – Останови их! Немедленно!

Услышав призыв брата, волк преградил путь коням.

Мгновенно сообразив, что за глупость задумал Могвид, Эр'рил помчался вперед. Если они остановятся, не останется ни единого шанса на спасение – твари тут же набросятся и закусат их. Ветер снова разогнал дымную завесу – избавление совсем близко, не дальше броска камня! Он сжал узду, отказываясь признать поражение: нет, если уж суждено умереть, он погибнет в сражении.

Эр'рил помчался к фургону. Есть только одно спасение – скорость! Но Могвид собственными руками обрекал их на гибель.

– Не останавливайся! Гони!

Глаза оборотня обезумели от страха. Будто не слыша приказов, он натягивал поводья.

Времени на споры да уговоры не осталось – если они хотят выжить, придется взять управление повозкой на себя. С ловкостью, рожденной веками верховой езды, он встал на спину мчащейся лошади и перепрыгнул в фургон. Ударившись плечом, Эр'рил приземлился на сиденье возницы. Не обратив внимания на ушиб, станди устроился рядом с Могвидом – тот, потрясенный его внезапным появлением, сидел, вцепившись в бич.

– Отдай вожжи, – велел воин. – Полезай внутрь и скажи Тол'чаку, чтобы тоже забирался.

Едва оправившись, оборотень с облегчением принялся выполнять приказ.

– Ты что?..

– Я собираюсь по ним проехать. А теперь назад!

Могвид содрогнулся и, перебравшись через ящики и коробки с припасами, скользнул в фургон.

Щелкнув поводьями, Эр'рил сунул их под колено и схватился за бич – не время жалеть лошадей.

– Фардейл, давай внутрь!

Волк, почувствовав, что план изменился, развернулся и мохнатой черной молнией метнулся под навес.

Оставался только Тол'чак.

– Скажите огру, чтобы... – начал Эр'рил, но тут задняя часть фургона резко осела, и от него отлетела какая-то планка.

– Он внутри!

Лошади побежали заметно медленнее – никуда не годится.

– Выбрасывайте припасы! – приказал воин. – Все до последней коробки!

По земле застучали тяжелые ящики, но думать о продовольствии было некогда. Он безжалостно хлестал лошадей, мысленно извиняясь за вынужденную жестокость. Его конь, оставшийся без седока, первым влетел в море пауков и ураганом помчался сквозь Орду.

Если он прорвется, возможно...

Неистово завопив, тяжеловоз упал на одно колено, и в следующий миг его накрыла волна пауков. Он попытался встать, дернулся несколько раз и рухнул под натиском хищников. Ему не удалось преодолеть и четверти страшного пути. Однако смерть несчастного животного не была напрасной: отвлекшись, большая часть тварей сгрудилась на обочине.

Эр'рил погнал коней по противоположной кромке тропы. Он неистово хлестал взмокшие спины, выжимая последние капли скорости.

– Давайте, – прошептал он сквозь стиснутые зубы, когда фургон въехал в паучьи владения.

Теперь обезумевших лошадей не приходилось стегать – они дробили подковами землю, с губ летела пена. Они топтали тварей, и из-под копыт поднимался ядовито-зеленый обжигающий дым – боль толкала вперед. Эр'рил опустил бесполезный бич. Больше он ничего не может сделать.

Воин видел, как пауки поползли по защитным кожаным ногавкам. Впереди, в переплетении солнечных лучей и дыма, виднелся конец тропы. Половина Орды осталась позади, Эр'рил сильнее сжал поводья: почти выбрались! Нужно выстоять!

Лошади пошли медленнее, их ослабленные тяжким трудом и страхом сердца не выдерживали. Просвет заволокло, словно в подтверждение, что надежды нет. Весь мир, казалось, состоит из дыма и пауков.

Из-за плеча Эр'рила появилась голова Тол'чака. Он молчал – тут словами не поможешь.

– По крайней мере, девочка в безопасности, – сказал Эр'рил.

– Еще не все потеряно, – ответил огр. – Пока мы движемся, есть шанс.

Едва он замолчал, правая лошадь, вырвав сбрую, замертво упала в грязь; в следующий миг споткнулась и рухнула вторая. Она даже не пыталась встать, только приподняла голову и оглянулась на фургон, словно извиняясь. Ее глаза остекленели.

Лес охватила могильная тишина.

Спасение было совсем рядом, но до него будто простирались тысячи лиг.

Вдруг что-то сильно пихнуло Эр'рила в бок, и, чтобы удержаться на сиденье, пришлось схватиться за стенку фургона. Краем глаза он увидел, что Тол'чак спрыгнул на землю.

– Ты что задумал? – вскричал воин, усаживаясь на место.

Огр торопливо обрезал ножом постромки и ремни, схватил лошадей за облепленные пауками спины и оттащил в сторону – так ребенок отбрасывает грязную тряпичную куклу. Не замечая насекомых, карабкавшихся по ногам и спине, он натянул ремни на плечи.

– Тол'чак... – простонал Эр'рил, не в силах найти слов.

Да и что тут скажешь: неминуемая гибель ждала их и внутри, и снаружи.

– Пока мы движемся, есть шанс, – повторил Тол'чак.

Он напрягся, ноги ушли в землю. Огр сделал шаг, потом еще один – фургон сдвинулся с места, и он уперся всем телом.

Они ползли очень медленно, но все же не стояли на месте. В ушах Эр'рила шумела кровь, а время, казалось, подчинялось теперь их темпу передвижения.

Пауки бросались на Тол'чака, но, к счастью, большая часть Орды отвлеклась на более легкую добычу – на лошадей. У огров толстая кожа, однако даже древесная кора не могла противостоять тварям. Дым зелеными змейками поднимался над бедрами Тол'чака там, где яд прожигал плоть, только так можно было прокусить толстую шкуру. Спина и шея содрогались от боли.

Тол'чак не продержится долго.

Вдруг яростный порыв ветра пронесся над тропой и разогнал дым. О, Добрая Матушка! Луг лежал всего лишь в лошадином корпусе – Эр’рил вскочил на ноги. Окутанный сумраком и пеплом, он даже не подозревал, что конец пути столь близок.

– Ты почти добрался! – крикнул он, пытаясь поддержать товарища.

Подняв голову, тот увидел просвет. Он покачнулся и неуверенно шагнул к цели. Восстановив равновесие, огр из последних сил напряг плечи – близость спасения вселяла надежду. Мощные ноги быстро преодолели оставшееся расстояние, и вскоре фургон уже катил по зеленому лугу.

Как только они ступили в траву, пауки посыпались с тела Тол’чака, торопясь скрыться среди опутанных паутиной зарослей. Судя по всему, Орда боялась покидать свой сумрачный дом. Тол’чак оттащил повозку подальше от деревьев и остановился посреди поля. Почувствовав, что они в безопасности, огр сбросил упряжь, ноги дрожали. Он попытался повернуться к спутникам, но, не устояв, упал на колени в сырую траву.

Спрыгнув на землю, Эр’рил подскочил к товарищу. Лоснившуюся кожу Тол’чака покрывали белые потеки и следы от укусов, лицо все еще было искажено болью, он сипел и кашлял. Воин склонился над огром, и тот поднял на него воспаленные глаза.

– Мы справились, да? – задыхаясь, проговорил он.

Станди положил руку ему на плечо, и след от ядовитого укуса опалил пальцы. Он мог только представить, как мучается Тол’чак.

– Ты справился, друг мой. Твоя воля, твое огромное сердце спасли нас.

– Хорошо, – кивнул Тол’чак. – Я же говорил, у огров толстая шкура.

Глаза закатились, и он повалился на траву.

Эр’рил дернулся проверить, дышит ли товарищ.

– Отойди от демона, пока мы не нашпиговали вас стрелами!

Воин выпрямился: из высокой травы поднялись около двадцати человек в зеленых плащах, их луки были наготове. Эр’рил инстинктивно потянулся к мечу, но тут же сообразил, что это сражение ему не выиграть. Он вглядывался в суровые лица. Нет, драться не время.

Воин поднял руку и раскрыл ладонь, показывая, что сдается.

Вира’ни лежала под толстым одеялом, удобно устроившись на подушках, когда услышала, что в лагерь вернулись охотники. Они перекрикивались громко и радостно. Кто-то подошел к палатке, и она, прижимая ладонь к животу, постаралась выпрямиться.

Полог откинулся, напугав ее, но оказалось, пришла Бетта. Крупная коротко остриженная женщина в грязном плаще с откинутым капюшоном просунула внутрь светловолосую голову. Ее глаза сияли, а на лице расплывалась широкая улыбка. Задышавшись от восторга, она прошла и опустилась перед Вира’ни на одно колено.

– Мы поймали всех! – Голос взволнованно дрожал.

О лучшей новости Вира’ни и мечтать не могла.

– Всех?

– Ты была права, – кивнула Бетта. – Они явились с громадным демоном, тащившим фургон. Когтистым, клыкастым – жуткое зрелище. К счастью, он тут же рухнул.

Вира’ни не помнила, чтобы в видении был демон, но, может, это очередная уловка мерзкой ведьмы?

– А девочку-всадницу вы видели?

– Да, бедняжка, похоже, стала пленницей бородатого головореза. Мы освободили ее удачным выстрелом, и она умчалась прочь, унеслась в поля, точно ветер.

У Вира’ни кровь застыла в жилах. Нет! Не может быть! Ведьме удалось обойти ловушку. На ее лице читался такой ужас, что Бетта перестала улыбаться.

– Что такое?

– Девочка... – заикаясь, проговорила Вира'ни. – Она и есть демон, она вела их за собой. Прикидывается невинной, но именно она убила моих детей. Ты должна мне верить!

Бетта, широко раскрыв от ужаса глаза, приложила большой палец ко лбу в суеверном жесте защиты от зла.

– Я тебе верю. В подтверждение твоим словам то клыкастое чудовище. – Охотница вскочила на ноги. – Сиди здесь. Я предупрежу остальных! К счастью, мы прогнали дьяволицу с наших земель, но кто знает, что взбредет ей в голову. Вдруг она попытается освободить своих спутников. Нужно быть начеку.

Вира'ни потянулась к ней дрожащей рукой.

– Ее необходимо найти. Сейчас же!

Бетта покачала головой.

– Ближится ночь. Каждому охотнику известно, что лучше не искать раненого зверя в высокой траве, тем более – в темноте. Нет, выследим демона утром. Если она останется в наших краях, мы ее прогоним или убьем. Можешь не сомневаться!

Как же их убедить отправиться за ведьмой немедленно? Она пыталась что-нибудь придумать, когда ее вдруг пронзило обжигающей болью. Она вскрикнула, и Бетта тут же обернулась. Не успел уняться первый приступ, как накатил следующий, и Вира'ни с громким стоном упала на подушки.

Бетта подскочила и, сунув руку под скрывавшее обнаженное тело одеяло, положила жесткую ладонь на ее горячий живот. В этот момент Вира'ни опалила еще одна схватка, и она почувствовала, как по ногам потекла горячая жидкость. Палатку мгновенно наполнила невыносимая вонь.

– Толкается, и воды отошли. – Женщина невольно поморщилась. – Значит, скоро ребенок появится на свет, но что-то здесь не так. Пойду приведу повитуху и расскажу Джосе про девочку-демона.

Вскочив на ноги, она выбежала наружу.

Улучив мгновение между приступами, Вира'ни сбросила одеяло и приподнялась на локтях: подушки между ног заливала черно-зеленая жидкость с отвратным гнилым запахом. Тело исторгало не те воды, что ознаменовывают рождение нормального ребенка, а мерзкую жижу – свидетельство извращенного зачатия.

Вира'ни снова откинулась на подушки. Она уже переживала подобное. В подземелье Блэкхолла стражники насиловали ее самым жестоким образом; а однажды в нее, распростертую на алтаре, свое семя всадило крылатое чудовище. Через много лун на полу темницы, устланном грязной соломой, она разрешилась мертвым ребенком. Тогда черная жидкость из чрева тоже воняла смертью. Она взяла на руки малыша и принялась его качать, жалобно поскуливая. Неужели снова? Потеряв однажды нежно любимое дитя, она знала, что не переживет гибели второго. Несчастная стонала так громко, что господин сжалился и забрал мертворожденного. Он превратил его в Орду – один стал многими. Закончив, Черное Сердце вернул детей в утробу, чтобы они плодились внутри и больше никогда ее не покидали. И теперь, когда вернулись эти сладостные воспоминания, ее глаза увлажнились.

Пронзительная боль в низу живота вернула Вира'ни в настоящее. Она чувствовала, как ребенок бьется внутри. Лицо заливал пот, но она, преодолевая страдания, улыбалась: малыш родится живым.

На пороге появилась пожилая женщина с двумя горшками воды и стопкой старых тряпок. Казалось, мерзкий запах едва не сшиб ее с ног, и она, нахмурившись, подошла к Вира'ни.

– Не бойся, милая, – проскрипела она, – я вот уже сорок зим в повитухах и знаю, как детки появляются на свет. Все будет хорошо.

Молча кивнув, Вира'ни прочитала на морщинистом лице беспокойство – бабка узнала запах смерти. Женщина поставила горшки возле подушек, вынула из кармана несколько сухих мятных листьев и раскрошила их в воду.

– Мое имя Гредди, но все зовут меня тетушкой Ди, – сказала она, не отрываясь от дела. – Расслабься и предоставь все заботы тетушке Ди.

Неожиданно новый приступ скрутил Вира'ни – словно могучие шишковатые корни рвали ее на части. Она закричала, и повитуха тут же к ней подскочила. Барахтаясь в алой агонии, Вира'ни едва заметила, как та положила на лоб мокрую тряпицу, а затем присела на корточки около раздвинутых ног. К счастью, боль отступила так же внезапно, как налетела, – хоть на время. Задышавшись, обессиленная Вира'ни лежала среди подушек.

Что-то тихонько напевая себе под нос, тетушка Ди схватила ее под коленями, задрала и широко раздвинула роженице ноги.

– А теперь слушай внимательно, девочка, я хочу, чтобы ты тужилась по моей команде. – Пожилая женщина подняла на нее глаза. – И ни в коем случае до, ты меня слышишь?

Волосы Вира'ни липли к лицу, кожа горела и в то же время была ледяной.

– Я попытаюсь.

Тетушка Ди нахмурилась.

– Нет. Ты не станешь пытаться. Ты сделаешь так, как я тебе говорю. Поняла?

Вира'ни проглотила комок в горле.

– Да.

– Вот и умница. – Лицо повитухи исчезло. – А это что за отметины?

Вира'ни знала, о чем она спрашивает. Это был символ могущества, и Темный Властелин собственноручно украсил им вход во чрево.

– Я не знаю...

В этот момент на нее внезапно, словно гром среди ясного неба, снова набросилась боль. Вира'ни выгнула спину, когда утроба начала раскрываться.

– Тужься! – Тетушка Ди, казалось, кричала откуда-то издалека. – Работай! Я уже вижу головку. Тужься, иначе потеряешь ребенка!

Эти слова сумели сквозь боль пробиться в ее сознание. Она больше не потеряет дитя! Крик застыл на губах, и Вира'ни, сражаясь с внутренним пожаром, оторвала плечи от подушки, сжала зубы и подчинила все мышцы своего тела единственной цели – вытолкнуть дитя.

– Почти, почти... – повторяла тетушка Ди. – Я не сомневалась, что ребенок мертв, но ты только глянь на этого чертенка! Как карабкается наружу!

Вира'ни не слушала бормотание старухи. Она глубоко вдохнула и, вцепившись в подушки, разрывая их ногтями, обдирая кожу на ладонях, с пронзившим ночь диким криком выдавила ребенка из своего тела.

Роженица обмякла, точно марионетка, у которой обрезают веревочки. Пару мгновений она только дрожала в изнеможении, но вдруг, охваченная беспокойством за малыша – тетушка Ди до сих пор не произнесла ни единого слова, – приподнялась на локте.

Вира'ни попыталась сесть и с облегчением увидела повитуху с ребенком: дитя, обхватив лицо старой женщины восемью суставчатыми лапками, прижалось к ее голове. Тетушка Ди растянулась на полу, ноги и руки дергались в мучительной агонии. Вира'ни облегченно вздохнула, когда малыш расправил четыре крыла, чтобы просушить их перед полетом. Жалобно захныкав, он жадно всосался в морщинистую кожу, челюсти двумя рядами все глубже вгрызались в плоть. Вытекавшая из ран кровь собиралась на полу в большие густые лужи. Дети всегда так неаккуратны с пищей!

И все же Вира'ни не могла сдержать ласковую улыбку, глядя на свое дитя. Какое счастье наблюдать, как твой ребенок впервые ест.

Глава 7

Элена мчалась, оставляя все дальше за спиной заходящее солнце. Она изо всех сил цеплялась за вороную гриву Роршафа, тени страшными преследователями стелились по траве. Конь взрывал зеленую траву, из-под копыт во все стороны летели брызги. Она давно оставила попытки управлять жеребцом: до поводьев не дотянуться, а команды он игнорировал. В какой-то момент девушка думала даже спрыгнуть, но падение с такой высоты, да еще на бешеной скорости грозило страшными переломами, если не гибелью. Она прижалась щекой к взмокшей холке, полностью положившись на животное.

Она цепенела от безудержной скачки, но сердце осталось далеко позади. Что с ее спутниками? Последнее, что она помнит, – Крал, поверженный стрелой. И столько крови! Элена зажмурилась, пытаясь прогнать жуткое видение. А как остальные?

Перед ее мысленным взором бесплотным призраком проплыло лицо Эр'рила – ее стража, ее рыцаря, ее наставника. Сумев вырваться из ловушки, она понимала, что ему это вряд ли удалось. И как теперь одной путешествовать по землям Аласей? Как избежать встречи со слугами Темного Властелина и отыскать потерянный город А'лоа Глен? Нет, Эр'рил и остальные ей необходимы.

Выпрямившись в седле, Элена вцепилась в гриву Роршафа и резко дернула на себя.

– Стой, проклятый!

Ветер срывал с щек слезы, а конь по-прежнему мчался вперед. Точно блоха – с собакой, девушка сражалась с могучим жеребцом, пытаясь управиться с ним тонкими слабыми руками. Нужно остановить Роршафа прежде, чем он унесет ее слишком далеко. Однако боевой скакун не слушался ее – сумерки окутали холмы, а он все не сбавлял хода.

– Пожалуйста, – рыдая, взмолилась Элена. – Прошу тебя, остановись. Я не хочу оставаться одна.

Она в отчаянии зарылась лицом в густую гриву. И, словно слезы наконец тронули железное сердце, Роршаф перешел с галопа на рысь, затем – на шаг. Подняв голову, Элена увидела, что путь им преградил широкий ручей. Вода в гаснущем сиянии вечера отливала розоватым серебром, стайка стрекоз с прозрачными крылышками резвилась среди прибрежного тростника.

Около одинокой ивы, ветви которой касались потока, Роршаф остановился, его мышцы содрогались от усталости. Элена соскользнула с седла и чуть не упала: измученное тело подвело ее. С трудом удержавшись на ногах, девушка схватила болтавшийся повод: нужно немного прогулять коня, чтобы он остыл. Элена потянула его, уверенная, что упрямец не пойдет, но тот не стал противиться.

Они двигались вдоль берега, распуская целые армии возмущенно квакавших лягушек. Воздух дышал ароматом лилий, над водой в поисках насекомых металась луговая жаворонки. Элена прихлопнула комара на руке. Роршаф фыркнул и принялся сметать хвостом налетевших на его потную шкуру мух.

Вскоре скакун успокоился и задышал ровнее. Они не останавливались и через некоторое время оказались у крошечной серебристой заводи. Элена понимала, что нужно почистить коня засветло, но усталость взяла свое, и она опустила на плоский камень.

Вглядываясь в ручей, она различила свое отражение. Сняв перчатку, Элена коснулась коротко остриженных волос. Кто эта женщина? Перепачканное сажей лицо казалось совсем чужим. Беглянка вымыла лоб и щеки. Неужели эта девочка когда-то бегала по семейным яблоневым садам? Капли падали с носа, но вода тут же успокаивалась. Она заглянула себе в глаза: той девочки больше нет.

Вдруг краем глаза она заметила какое-то движение. Выскользнув из выреза рубашки, перед ней раскачивался крошечный амулет. Она сжала в кулаке каменный флакончик, болтавшийся на шнурке из волос тети Филы. Элену захлестнули воспоминания: милые сердцу образы тех дней, что она проводила в булочной, уютно пахли корицей и свежей выпечкой; а затем пронеслись картины, полные ужаса и крови, – смерть тети Филы на улице Уинтерфелла во спасение ее, Элены, от когтей скал'тума.

На глаза навернулись слезы. Она стиснула сосудик в правой руке, и острая грань проколола кожу – на ладони выступила кровь.

– Ты мне нужна, тетя, – сказала она собственному отражению.

Элена не надеялась получить ответ. Еще среди соплеменников Крала она множество раз пыталась связаться с покровительницей с помощью магического амулета, но ничего так и не вышло. Либо магия стихии испарилась из флакончика, либо тетя Филя находилась вне пределов досягаемости. И все же Элена радовалась, что носит у сердца что-то, напоминающее о родных. Она стиснула оберег в ладони, вспомнив и дядю Бола, подарившего его и объяснившего, как им пользоваться. «Ищи мою сестру в отражениях, – сказал он среди руин старой школы. – Она придет, если сможет».

На Элену с новой силой нахлынула боль – она потеряла близких, всех до единого. Амулет выскользнул из ослабевших пальцев и начал раскачиваться над водой. С него упала капля крови, и по поверхности пошли круги. Вдруг они засеребрились.

Широко раскрыв глаза, Элена смотрела, как, точно пролитое молоко, расплзается сияние.

– Тетя Филя? – прошептала она.

Лужица света вращалась, увеличиваясь в размерах.

– Пожалуйста, тетя, ты мне так нужна. – Элена снова сжала в руке флакончик, и слезы закапали в воду.

И тут, как шепот воспоминаний становится видимым образом, сияние превратилось в призрачную фигуру, на знакомом лице мерцали водовороты.

Элену душили слезы: открылись старые раны, начавшие было затягиваться.

Женский силуэт проступил яснее, и вскоре девушка разглядела напряженность в лице и блеск в глазах тети. С поверхности воды поднялся голос – она говорила четко и быстро.

– У нас мало времени, дитя, к тому же я слишком далеко, чтобы долго поддерживать связь. Тебе грозит великая опасность. Беги!

Надеясь на утешение, Элена ждала совсем других слов.

– Бежать?.. Куда? – пробормотала она и расплакалась.

– Успокойся, девочка. Хватит глупостей. Вытри лицо. Слезами горю не поможешь.

Элена тут же послушалась. Тетя Филя, твердая как скала, трудолюбивая женщина, не привыкла, чтобы с ней спорили. Даже смерть не смягчила ее железного характера.

– А теперь оглянись.

Обернувшись, Элена поняла, что луг поглотила ночь, но вдалеке, среди холмов, мерцали красные огни.

– Это вражеский лагерь, и там твои друзья. Вас разделяет не только расстояние, но и мерзкое существо, порождение зла. Чтобы освободить товарищей, нужно победить чудовище.

Элена вернулась к призрачному силуэту.

– Но как? Моя магия почти иссякла.

– Знаю, – нахмурилась тетя. – Твоя колдовская энергия для меня словно маяк, и теперь она мерцает едва различимо, а то, что придет за тобой этой ночью, страшнее непроглядного мрака. Ты не в силах бороться с ним. Пока не в силах. Нужно бежать.

Элена сморгнула слезы.

– А как остальные?

– Их не спасти.

– Я не могу их бросить.

– Важно сохранить только тебя – ты любой ценой должна выжить и добраться до Кровавого Дневника. Тогда свершится предсказанное.

Элена молчала.

– Я знаю, тебе очень нелегко. – Голос тети заметно смягчился. – Но всем нам пришлось сделать тяжелый выбор, чтобы оказаться в нынешней точке истории и получить шанс на рассвет в эти черные времена. Ты – единственная надежда нашей земли.

Девушка поднялась на ноги.

– Умница. – Слова прозвучали едва слышно сквозь потускневшее сияние. – Я больше не могу поддерживать связь. Беги под покровом ночи. В городах и деревушках за холмами ты найдешь убежище.

Свет почти померк, и Элена уже не видела силуэта, но различила последние слова:

– Я люблю тебя, милая.

Элена смотрела, как исчезает серебристое мерцание.

– Я тоже тебя люблю, – прошептала она потемневшей воде.

Вокруг сгустилась ночь. Элена обернулась на горы и луга: в наступившем мраке костры казались ярче. Печаль невыносимым грузом давила на плечи. С тяжелым сердцем отвернувшись от огоньков, она снова услышала слова тети: «Ты – единственная надежда нашей земли».

Сунув ногу в стремя, Элена вскочила в седло. Она крепко сжала поводья, твердо решив не отдаваться больше воле коня. Девушка выпрямилась и попыталась заглянуть себе в душу. Надоело, что ее постоянно несет куда-то против ее желания – будь то лошадь или первозданные силы. Пришла пора самой выбирать дорогу.

Она смотрела на далекие костры. Мысленно попросив у тети Филы прощения, Элена пятками ударила Роршафа – тот стал на дыбы, громко фыркнул и помчался к мерцающим огонькам.

Будь проклято предсказание! Там ее друзья!

Эр'рил проверил путы: кожаные ремни прочны, а узлы надежны. Он попытался вытащить столб, к которому был накрепко привязан, но и тот оказался достаточно крепким, к тому же был глубоко вкопан в землю – даже не шелохнулся.

– Бесполезно, – прошептал Крал, стоявший рядом.

Его правое плечо перетягивала окровавленная тряпка, лицо искажала боль.

– Тише, – прошипел Мерик. – Они избьют тебя, если поймают на попытке высвободиться.

Элв'ин, схваченный раньше товарищей, стоял у столба рядом с горцем. В подтверждение словам на щеке у него наливался свежий синяк. Он кивнул на двух широкоплечих стражей в зеленых охотничьих куртках, опиравшихся на копыя в паре шагов. Суровые, закаленные зимовками в лагерях, охранники отвлеклись на доносившиеся от костров победные песни и не слышали пленников.

Эр'рил огляделся: неподалеку был привязан Могвид. Оборотень, угрюмо понурившись, висел на своих путах. Воин обеспокоенно повернулся к Кралу.

– А где Элена и Ни'лан?

– Ни'лан увели на допрос незадолго до вашего появления. – Горец понизил голос, по губам скользнула холодная усмешка: – Элена спаслась на моем коне. Она в безопасности.

Эр'рил облегченно вздохнул.

– И куда твой конь ее унес?

– Я приказал Роршафу скакать до воды. Если возникнут трудности, он унесет девочку как можно дальше.

– И он все это понял? – усомнился Эр’рил.

Крал улыбнулся еще шире.

– Я ведь воспитывал его с самого рождения. Он выполнит все мои команды и присмотрит за ней.

Слова горца не слишком утешили воина: с лошастью или без, одна Элена долго не продержится.

– А где огр? – вмешался Мерик, оглядываясь. – И волк?

Эр’рил кивнул на фургон.

– Тол’чака связали, точно кабана, – веревками и цепями. Я думал, он мертв, но огр застонал и попытался вырваться, когда три лошади поволокли его по грязной дороге. Он не в себе от паучьего яда, но, думаю, выживет. Если только его не зарубят.

– А Фардейл? – угрюмо спросил Крал.

– Брат сбежал, как последний трус, – ответил Могвид, не поднимая головы.

– У него не было выбора, – возразил Эр’рил. – Охотники не любят волков, они бы напичкали его стрелами.

– Как бы там ни было, он меня бросил, – отрезал оборотень.

Неожиданно пронзительный женский крик разорвал ночь. Все четверо пленников замерли. В первое мгновение Эр’рил подумал, что пытаются Ни’лан, но, прежде чем вскипела ярость и он начал сражаться с кожаными ремнями, увидел, что крошечную нифай ведут от палатки две крупные охотницы. Ее куртка была порвана, в фиалковых глазах застыл страх. Под острием копья ее привязали к свободному столбу.

Стражники попытались разузнать, что случилось, но женщины отмахнулись.

– Бабские дела, – сказала одна, стягивая запястья нифай ремнями. – Похоже, у девочки тяжелые роды.

Проверив пути, охотницы забрали свои копья и ушли.

Охранники хмуро оглядели пятерых пленников и отвернулись. Они отошли на пару шагов и, вытянув шеи, попытались разобрать, что происходит в лагере.

Склонив голову, Эр’рил посмотрел в глаза Ни’лан и шепотом спросил:

– Удалось что-нибудь узнать? Кто это такие и почему напали на нас?

Нифай, не в силах унять дрожь, несколько раз сглотнула, прежде чем ответить.

– Они думают, что в нас вселились демоны. Кто-то сказал, что мы убили детей и наслали порчу на лес.

– Что! Кто?

– Не знаю. Но я слышала, как командир допроса, Бетта, упомянула молодую женщину на сносях, вышедшую из чащи. Охотница была очень взволнована.

– Ты думаешь, та девушка оговорила нас?

Ни’лан пожала плечами.

– Непонятно. Но Бетта ушла проверить роженицу, и, кажется, это она кричала. Здесь происходит что-то чудовищное.

– Я догадываюсь, кого обвинят в неудачных родах, – нахмурился Эр’рил.

– Охотники собирают хворост, и гораздо больше, чем требуется для обычных костров, – проворчал Крал, скинув брови. – Если не хотим сгореть заживо, стоит поискать способ выбраться.

– Не спорю, стоит. Есть предложения?

Все промолчали.

В голове у Эр’рила крутились самые разные планы, но среди них не было осуществимых. Даже если им удастся выпутаться, как быть с Тол’чаком? Нельзя ведь бросить огра. А

снаряжение? Фургон заменить легко, но стражник вытащил из кармана маленький металлический кулак – ключ, без которого не пройти в А'лоа Глен. Воин скрипел зубами от отчаяния.

– Он вернулся! – едва не закричал оборотень.

Один из стражников, обернувшись, окинул пленников тяжелым взглядом. Однако новый вопль тут же привлек его внимание к лагерю.

– Тише! – приказал Эр'рил.

Могвид нервно возился в своих путах.

– Вон там, за кустом.

Станди посмотрел туда, куда кивнул оборотень.

– Я ничего не вижу.

Вероятнее всего, от страха примерещилось. И тут Эр'рил заметил, как под низкими ветками сверкнули желтые глаза.

– Фардейл, – облегченно вздохнул.

Черный волк был неразличим в тени высокой травы и кустов, только янтарное мерцание выдавало его. Хорошо. Воин включил си'луру в план побега: возможно, его помощь – единственный шанс на спасение.

– Можешь связаться с ним? – спросил воин, чувствуя, как в душе расцветает надежда.

Братья уже смотрели друг другу в глаза.

– Фардейл разведает все вокруг. Он говорит, лагерь пропитан тем же зловонием, что он чувствовал раньше. – Могвид повернулся к Эр'рилу, его голос дрогнул. – Запах пауков. Но здесь он гораздо сильнее.

Вира'ни невероятно гордилась своим ребенком: он так быстро рос, пожирая повитуху, и теперь уже был размером с некрупного теленка. Он сидел на груди тетюшки Ди; кожа старухи, натянувшись под его тяжестью, облепила череп и кости, и все морщины разгладились. Как она помолодела! Разве не замечательный подарок за все старания? Впрочем, малышу еще есть чем ее порадовать.

– Я знаю, ты все еще голоден, милый, но впереди много дел, нас ждет наша ведьмочка.

Дитя обернулось: два ряда челюстей пожевали воздух, и на грудь старухи закапала кровь. Он тихонько застонал, и крылья завибрировали. Три пары глаз раскачивались на стельках, умоляюще глядя на мать.

В приступе умиления Вира'ни прижала ладонь к щеке: как же он прекрасен! Но на ласки еще будет время, а пока нужно все подготовить.

– Поцелуй тетю за ее заботу, милый, но побыстрее. Мы спешим.

Малыш снова повернулся к повитухе, зарылся носом между старческих грудей, разорвал одежду и вонзился в плоть. Ребра треснули, и Вира'ни улыбнулась. Какой послушный мальчик!

Вцепившись всеми лапами, он засунул голову в развороченное тело и потянулся к сердцу. Вира'ни увидела, как сжались огромные красные железы на горле малыша, когда тот подносил тетюшке Ди последний дар. Закончив, дитя соскочило с жертвы – восемь суставчатых лап отступили, четыре крыла возбужденно затрепетали.

Тело повитухи, давно переставшее биться в агонии, снова задергалось. Рот открылся и закрылся – как у рыбы, выброшенной на сушу. В следующее мгновение остекленевшие глаза загорелись мягким красным светом. Неожиданно она согнулась в поясе и села. Челюсть отвисла, с губ капала черная слюна. Она скребла землю растопыренными пальцами, пока яд проникал во все уголки ее останков.

Полог палатки откинулся, и малыш метнулся ко входу. Бетта наклонилась, собираясь войти.

– Родила? – спросила она, пошире распахивая клапан.

Оказавшись внутри, охотница выпрямилась и поморщилась от отвращения.

– Добрая Матушка, что за мерзкая вонь!

Вира'ни ответила гордой улыбкой. Старуха открыла рот, и из растерзанного горла вырвался приглушенный хрип.

– Тетушка Ди? – Охотница подошла к повитухе, сидевшей среди разбросанных подушек.

Услышав знакомый голос, та медленно повернула голову. Позвонки выскакивали и трещали, точно ломающиеся ветки дерева. Она уставилась на женщину.

Охотница застыла, не в силах отвести глаз от ужасающего зрелища. Руки испуганными птицами взлетели к горлу, и она закричала – неистовый вопль вырвался из палатки и пронесся по лагерю.

Повитуха поднялась на ноги, развернулась и закрепила свою голову на прежнем месте. С мерзким бульканьем она на нетвердых ногах подошла к Бетте. Очень медленно старуха указала на разверстую грудь, демонстрируя след от поцелуя новорожденного. Дергающиеся пальцы проникли в рваную рану и разодрали ее еще шире.

Бетта сдавленно вскрикнула.

Из растерзанного нутра посыпались чернокрылые скорпионы величиной с большой палец. Выставив жала, они набросились на скованную ужасом охотницу. Отбиваясь от облепивших ее ядовитых тварей, женщина вывалилась из палатки.

Легонько оттолкнув шатающуюся повитуху, Вира'ни направилась следом. Опустошенное тело тетушки Ди повалилось на подушки под стук костей и шуршащей кожи. Не посмотрев в ее сторону, Вира'ни подошла к выходу и, откинув полог, увидела, что Бетта лежит на спине у самого порога. Ее кожа уже местами почернела, а живот распух, как у дохлой коровы, стухшей на солнце. Чуть поодаль, у костров, замерли охотники, их лица обезобразил ужас.

– Нехорошо думать только о себе, – обратилась она к неподвижному телу у своих ног. – Крошки мои, остальные тоже ждут ваших поцелуев.

В ответ из вспухшего живота вырвалась стая скорпионов и тут же набросилась на охотников. Ночь вспороли пронзительные крики тех, кого черные убийцы одаривали смертельными лобзаниями. Девчушка с мокрыми от слез щеками проскользнула между метавшимися ногами взрослых и бросилась к Вира'ни. Та взяла испуганного ребенка на руки и обняла.

– Тише, малышка. Тебе нечего бояться.

Она еще сильнее прижала ее к обнаженной груди. Какое чудное дитя и какие у нее славные кудряшки! Настоящая куколка! Вира'ни прикрыла уши девочки, чтобы та не слышала воплей, метавшихся по лагерю. Бедняжка, дети так боятся резких звуков. Вира'ни сидела с плачущим ребенком на коленях и ждала.

Все закончилось очень быстро. Вокруг на примятой траве от яда корчилились тела, но вскоре отравы начала действовать, и крики смолкли. Вира'ни вздохнула и встала, по-прежнему не выпуская малышку из рук. Лагерь усеивали трупы. Какой-то несчастный даже бросился в костер, чтобы избежать смертельного поцелуя. Огонь теперь облизывал его кости, и густой маслянистый дым тянулся в ночное небо, где запах жареной плоти мешался с прохладным ветерком.

Вира'ни сердито глянула на догорающий труп и, отбросив назад длинные черные волосы, направилась к границе лагеря, где у столбов томились пленники. Скорпионы знали, что их трогать нельзя – она расправится с детоубийцами лично. Вира'ни проходила между палатками под жалобные всхлипы.

– Тише, малышка, – сказала она, спуская дитя на землю.

Перепуганная до смерти девочка села в грязь и, горько рыдая, принялась раскачиваться взад и вперед. Перешагнув через нее, Вира'ни двинулась к столбам.

– Не кручинься, – сказала она, оглянувшись. – Поиграй с моим малышом, вы подружитесь.

Дитя следовало по пятам, его чешуйчатые ноги скребли и шаркали по земле. Вира'ни услышала, как вскрикнула девочка, и тут же все стихло. Она улыбнулась: каждому ребенку нужен друг.

Вскоре показались пленники. Остановившись за низкой палаткой, она принялась их разглядывать. Убийцы, все пятеро! Четверо мужчин и одна женщина. Тепло и добродушие, завладевшие ею после рождения столь прекрасного сынишки, сменились ненавистью. Казалось, кишки внутри завязались тугим узлом, когда она на них взглянула. Вира'ни, несколько не стесняясь своей наготы, вышла из укрытия. С какой стати ей смущаться? Плечи задрожали от едва сдерживаемой ярости. Она перешагнула через почерневшие тела двух стражников и пнула чье-то копье.

Наигравшийся малыш догнал ее и заковылял рядом, взбивая крыльями воздух в тщетных попытках взлететь. Он снова проголодался и принялся жалобно скулить, глядя на нее. Вира'ни вздохнула: ох и нелегка же материнская доля!

Пленница вскрикнула, увидев дитя. По крайней мере, у нее хороший вкус, раз она оценила небывалую красоту ее крошки. Волна гордости захлестнула Вира'ни, и на сердце потеплело. Может, она и позволит женщине покормить малыша перед смертью.

Один из невольников, однорукий мужчина, дерзнул заговорить:

– Добрая Матушка! Быть не может!

Она повернулась и смерила наглеца суровым взглядом.

– Это ты, Вира'ни? – пораженный, выдохнул тот.

Ее сковало холодом, она будто примерзла к земле. Даже голодный плач малыша доносился теперь откуда-то издалека. Она смотрела на связанного мужчину и вдруг узнала его: черные волосы, обветренная кожа – и глаза! Пронзительные глаза цвета грозового неба.

– Эр'рил! Я знала! Знала, что ты жив!

Они молча смотрели друг на друга.

Огромный бородатый мужчина, откашлявшись, прервал молчание:

– Эр'рил, ты действительно знаешь эту женщину? – Воин кивнул, и его слова прошепстели сухими осенними листьями:

– Да, и очень давно. Когда-то мы любили друг друга.

Глава 8

Стенания, доносимые ветром из лагеря, быстро стихли. Что там происходит? Элена мчалась по темному лугу, от страха и беспокойства все сильнее стискивая поводья. Неужели это ее друзья? Она тряхнула головой, отгоняя жуткие мысли. Даже на расстоянии двух лиг девушка слышала, что кричало гораздо больше людей. Хотя, возможно, голоса ее спутников сплелись с другими в этой жуткой ночной песне.

Теперь все успокоилось, даже древесные лягушки и сверчки испуганно молчали – словно весь мир затаил дыхание. Неожиданно упавшая тишина страшила еще больше. Непроницаемое безмолвие казалось неживым, замогильным.

Ориентируясь по огонькам, Элена прищипорила Роршафа, но даже его выносливость имела пределы. Он целый день бежал от огня, пауков и охотников и теперь скакал нетвердым галопом. Боевой конь из последних сил заставлял работать свое утомленное сердце, стремясь выполнить приказ наездницы. Его грудь тяжело вздымалась, вокруг морды в ночной темноте, словно зная, клубился белый пар.

Вдруг копыто наткнулось на невидимое препятствие, и Элена едва не вывалилась из седла. Споткнувшись, Роршаф – умелый, отлично обездвиженный горный жеребец с врожденным чувством равновесия – сумел удержаться на ногах и тут же поскакал дальше.

Девушка выпрямилась и, закусив губу, натянула поводья – конь пошел шагом. Она осознала собственную глупость: нельзя слепо следовать желанию побыстрее оказаться на месте, только заслышав крики. Надо думать головой, а не сердцем.

Элена огляделась: крошечный осколок луны лил с неба на качающуюся траву едва различимый бледный свет, между округлыми холмами собрался туман. В безрассудной скачке по невидимому полю Роршаф может снова споткнуться, сломать ногу или и того хуже. Да и куда спешить? В голове все еще звучали слова тети: «Вас разделяет не только расстояние, но и мерзкое существо, порождение зла. Чтобы освободить товарищей, нужно победить чудовище».

Девушка остановила коня. Тусклая полоса у горизонта отмечала лес, где тлели тысячи угольков, а чуть ближе пламя костров отбрасывало на холмы тень лагеря. Элена не мигая смотрела на сполохи. Что же делать?

Послушать тетю и бежать? Еще не поздно. Роршаф устал, но они, несомненно, добрались бы до равнин еще затемно.

Нет! Она не бросит друзей, об этом не может быть и речи. Но как же быть?

Она стянула с правой руки перчатку. Знак Розы, как назвал рубиновое пятно Эр’рил, стал не ярче солнечного ожога, когда она использовала почти всю магию. Надо всего лишь истратить остатки и тут же пополнить запас, чтобы Роза снова расцвела. Она хорошо помнила предупреждения наставника, но страх перед встречей с неизвестным врагом, да еще и без оружия, взял верх.

Элена поняла вдруг, что сжимает в левой руке кинжал. Поймав лунный отсвет, клинок засиял так ярко, что девушка зажмурилась – наверняка его видно за сотню лиг.

Она медлила: магия, выпущенная на свободу столь темной ночью, станет настоящим маяком. Ее заметят все в округе, в том числе и злодеи, захватившие лагерь. Элена спрятала кинжал в ножны. Ей совсем не хотелось предупреждать тех, кто поджидает ее у мерцающих костров, о своем появлении.

В голове вырисовывался план. Да, силы почти не осталось, но темнота и внезапность могут стать ее союзниками. Если повезет, под покровом ночи она сумеет освободить друзей и без помощи полной Розы. И кто сказал, что непременно нужно победить мерзкое чудовище?

Раздумывая об этом, Элена спешила: Роршаф слишком большой и шумный, с ним не удастся подкрасться незаметно. Она стащила со спины коня сумки и седло, чтобы немного прогулять и остудить разгоряченное животное. Убедившись, что его могучее сердце снова бьется ровно, девушка наскоро обтерла скакуна и обвязала поводьями ствол чахлого дуба.

– Жди здесь, – прошептала она.

Натянув ремень, Роршаф покосился на нее одним глазом. Элена понимала его недовольство, но была уверена, что конь выполнит приказ.

Порывшись в сумках, она сложила все, что могло понадобиться, в рюкзак. Уже завязывая тесемки, она заметила прикрепленный к седлу топор Крала. Его тщательно отполированное лезвие тускло светилось в ночи, и только то место, где металл проела ядовитая кровь скал'тума, зловеще темнело.

Не раздумывая, Элена отстегнула топор и взвесила его в своих маленьких руках. Она вряд ли смогла бы удержать в сражении столь тяжелое оружие, но его внутренняя сила и острая заточка немного успокоили ее. Закинув его на плечо, девушка повернулась к далеким кострам. Нужно быть твердой и стойкой – как лезвие.

Сжимая ореховую рукоять, Элена быстрым шагом направилась к огням. До лагеря идти не меньше лиги, и хорошо бы добраться до того, как ночь свернет свой черный плащ. Она думала о своих спутниках. Живы они? Или она напрасно рискует собственной жизнью? Размышляя так, девушка уверенно двигалась вперед. Сердце подсказывало, что друзья не погибли, и трудно было разобрать: дразнит ее надежда или между ней и товарищами действительно возникла внутренняя связь. Как бы там ни было, она их не бросит.

Становилось все холоднее, и каждый выдох теперь отмечало облачко белого пара, однако ее согревали усилия, необходимые при ходьбе по мокрому полю. Вскоре Элена подобралась к палаткам на расстоянии выстрела из лука и, отклонившись немного вправо, скрылась за высоким холмом. Необходимо подкрасться незамеченной.

Даже издалека, еще не видя лагеря, она поняла, что что-то не так: не было слышно ни голосов, ни грохота котелков у костра. И самое жуткое, ночной ветер доносил знакомый отвратительный запах горячей человеческой плоти. Перед мысленным взором Элены застыла мучительная картина – родители, окутанные огненными мантиями. Невероятным усилием воли она прогнала воспоминания.

Девушка осторожно направилась к нависшему над полем холму, пытаясь разглядеть на вершине стражников, но либо они слишком хорошо спрятались, либо их просто не было. Пригнувшись в высокой траве как можно ниже, она пробиралась к глубоким теням у подножия. Нужно подкрасться беззвучно: весь план строится на факторе неожиданности.

Вокруг царила мертвая тишина; ни одна птичка не свистнула, предупреждая об опасности, ни одно насекомое не шелохнулось. Элене казалось, ее шаги громом грохочут в ночи, однако она и сама понимала, что все дело в страхе. И все же она постоянно напрягала слух, пытаясь уловить малейший посторонний звук.

Слева треснула ветка – девушка развернулась и вскинула топор. В следующий миг из высокой травы вынырнул волк – словно сами тени обрели плоть. Он шурил янтарные глаза и скалился, клыки сверкнули в рассеянном лунном свете. Си'лура вел себя так, когда хотел предупредить об опасности.

В сознании замелькали образы:

«Два раненых волка встретились в лесу. Спина к спине они противостоят охотникам».

Элена уронила оружие Крала и подбежала к оборотню. Обхватив шею Фардейла, она спрятала лицо в густой мех и позволила себе мгновение передышки. Если он жив... Элена подняла топор.

– А остальные? – прошептала она. – Ты знаешь, где они?

Фардейл повернулся к лагерю и оглянулся на нее:

«Волк проведет волка мимо хитрых ловушек охотника».

Элена кивнула. За долгую зиму она очень неплохо научилась понимать си'луру, и магия позволила ей создать связь там, где кровь оказалась бессильна. Девушка кивнула на тропу, давая понять, что готова идти следом, но тут Фардейл послал ей еще одно сообщение. Глаза Элены широко раскрылись, сердце сжалось от страха. Прежде чем она успела ответить, волк скользнул в траву и растворился в тенях.

На нетвердых ногах Элена пошла за ним. Перед глазами застыл образ: потрясающе красивая обнаженная женщина смотрит на попавших в ловушку волков; из ее чресл к стае рекой текут ядовитые твари.

Эр'рил понял, что язык его больше не слушается. Возможно ли? Он не сводил глаз с обнаженной женщины с залитыми черной кровью бедрами. Лицо, невыносимо красивое, было холодно, точно гладко отполированный камень; в волосах, когда-то цвета ночи, пряталась белая прядь. Но хуже всего – в ее глазах плескалось безумие.

Воин стоял, привязанный к столбу, и его сознание пыталось связать юную девушку, которую он знал десять зим назад, с женщиной, замершей перед ним. Вспомнилась их первая встреча на холодном северном берегу, в городке, вечно окутанном густыми туманами, где воздух с привкусом соли и льда. Молоденькая дочь рыбака смущенно посмотрела на него, когда он выступал в приморской таверне, пытаясь заработать пару медяков.

Сам не зная почему, он отыскал ее после представления. Тонкое лицо и шелковистые волосы казались чужеродными среди просоленных и обветренных местных людей. Она походила на розу, выросшую на холодной скале. Жонглируя факелами, Эр'рил не мог отвести от нее глаз. Поэтому, отыграв последний номер на сцене из кедрового дерева, он взял чашку с горсткой желтых монет и пробрался сквозь толпу бородатых мужчин и изможденных женщин к девушке, сидевшей у задней стены.

Он подошел к столу, и она скромно опустила взгляд. Он представился, но даже тогда незнакомка не шелохнулась.

Вдруг она заговорила, и голос оказался столь же нежным и мягким, как ее кожа.

– Меня зовут Вира'ни, – сказала она, и черные волосы, точно два крыла, окутали ее приподнявшееся лицо.

Грусть в голубых глазах девушки отозвалась болью в груди, и Эр'рил почувствовал, что они нужны друг другу. Ему было необходимо отдохнуть от дорог, а она мечтала о сердце, которое принадлежало бы ей одной. Они проговорили до самого утра.

Вскоре Вира'ни представила Эр'рила своей семье, и его приняли, точно давно потерянного и вновь обретенного сына. Он собирался провести в городке пару дней, но вдруг обнаружил простые радости в жизни у залива. Он помог починить разбитую лодку, а дальше и не заметил, как дни сложились в луны. Отец Вира'ни научил его обращаться с сетями, рассказал о капризах моря, а ее брат поведал о тайнах и чудесах побережья и окрестных сырых лесов. Каждую минуту они с Вира'ни становились все ближе. Рыбак, казалось, одобрял выбор дочери.

– И не важно, что ты однорукий, природа наградила тебя крепкой спиной и добрым сердцем, – как-то раз сказал он Эр'рилу, когда они сидели вечером с трубкой у камина. – Я с гордостью назову тебя сыном.

Именно время, проведенное на северном побережье за рыбной ловлей или охотой на крабов, явило воину то, о чем он больше всего тосковал в воспоминаниях о безвозвратном прошлом: тепло, мир и покой семейного круга.

Неожиданно в сознание вторглись слова, вернувшие его от далекого моря к столбу. Он понял, что все это время смотрел в широко раскрытые голубые глаза Вира'ни.

– Почему ты оставил меня?

Безумие и мрак метались в ее когда-то сиявшем любовью взгляде. В голосе зарождалась истерика, рука потянулась к белой пряди.

– Ты же знал, что я беременна. Твоим ребенком.

Эр’рил отвернулся.

– Я не хотел причинить тебе боль, – пробормотал он.

Он сказал правду. Время и тепло очага в конце концов заполнили пустоту в груди. Он отдохнул от странствий, пришел в себя и понял, что пора уходить. Живя среди родных Вира’ни, он обрел мир, в котором нуждался. Но какой ценой? Беременность подруги заставила Эр’рила признать собственный эгоизм. Он не изменится, но время не будет столь же благосклонно к Вира’ни и его ребенку. Дом и семья – удел мужчин, которые состарятся рядом со своими женами, а не того, кто прожил пятьсот зим и может прожить еще в сотни раз дольше.

Поэтому, понимая, что чем дольше он остается с Вира’ни, тем сильнее будет ее боль, он инсценировал собственную смерть. Однажды перед бурей он отправился в море на маленькой лодочке и просто не вернулся, возложив вину за свою «гибель» на жестокие нравы северного побережья.

– Я не знал, – попытался он объяснить. – Я думал...

Вира’ни смотрела куда-то вдаль, словно вглядываясь в прошлое.

– Отцу было так за меня стыдно! Я ждала ребенка, без мужа. После того как ты исчез, отец притащил меня к одной старухе, жившей среди холмов. Она дала настойку из толченых листьев, и внутри у меня все ужасно съежилось. – Она поморщилась, будто почувствовав старую боль. – Кровь. Столько крови! Зелье убило ребенка. Моего бедного, чудесного малыша.

У Эр’рила сжалось сердце.

– Но до меня дошли слухи, – сказала она, сверкая глазами, – про однорукого жонглера, выступающего далеко на юге. Я знала, что это ты! Знала, что ты не мог умереть. А потому через несколько дней, когда кровотечение остановилось, я сбежала из хижины той бабки и отправилась на поиски. Я шла от деревни к деревне.

Тут голос Вира’ни дрогнул: воспоминания были столь мучительны, что она едва могла говорить.

– А потом... Однажды вечером, на дороге... Он меня нашел. Черные крылья, зубы, змеиное шипение. Он подхватил меня и отнес в подземелье.

Слезы покатились по щекам, все ее тело сотрясало под натиском эмоций. Она взглянула на него дикими глазами, на ее лице мешались ненависть и боль.

– Где ты был? Почему не защитил меня? Я не могла справиться с ним!

Эр’рил отвернулся.

– Мне очень жаль, – прошептал он, осознавая пустоту собственных слов.

Лицо Вира’ни ожесточилось, она вытерла слезы и, прищурившись, посмотрела на него, словно увидела впервые.

– Мне не нужна твоя жалость, Эр’рил. Черное Сердце был ко мне добрее, чем ты. – Она рассмеялась и указала на свои ноги. – Однажды ночью в его подземельях крылатое чудовище одарило меня новым ребенком – взамен твоего.

Монстр размером с крупного пса, пристроившийся рядом с ней, будто вышел из ночного кошмара. Он весь был нагромождением крыльев, ног и острозубых челюстей. Яд, капавший с черной морды, разъедал землю.

Глаза Эр’рила наполнились ужасом.

– Он любит меня! Он меня никогда не оставит! – Она повернулась к мерзкой твари. – Ты поцелуешь Эр’рила, миленький? В память о былых временах.

Существо пискнуло и уперлось всеми восемью конечностями в рыхлую почву. Глаза на стебельках обратились к воину, и чудовище заковыляло к пленнику.

Станди осознал, что за тварь приближается, но вовсе не страх завладел его чувствами. Нельзя было вот так бросать Вира'ни, он не меньше других повинен в ее страданиях. Эр'рил зажмурился и прижался затылком к столбу, не обращая внимания на чудовище, которое, точно охотничий пес, шумно обнюхивало его сапог.

И кто обошелся с Вира'ни более жестоко – Темный Властелин или он сам? Эр'рил боялся признаться себе, что знает ответ.

Элена сидела на берегу распухшей от талого снега речушки, съездившись и сжимая в руках топор. Журчание заглушало все звуки, и она ужасно нервничала, а когда какая-нибудь лягушка вдруг подавала голос, и вовсе подскакивала на месте.

Трясло не только от холода. Девушка с такой силой стиснула зубы, что заболели челюсти. Где же Фардейл? Он оставил ее здесь, у самого ручья, в невысоких зарослях боярышника, а сам отправился на разведку. И, даже делая скидку на страх, заставлявший думать, будто время бежит быстрее, она понимала, что волка нет слишком долго. Неужели с ним что-то случилось?

Элена приподнялась на коленях и выглянула между ветвями. Пламя костров разгоняло мрак за холмом. Казалось, она осталась совсем одна в этом поле.

Напряженно вслушиваясь, девушка время от времени улавливала обрывки разговора со стороны палаток, но, возможно, то была лишь игра воображения. Элена снова спряталась и села, обхватив колени руками. С каждой минутой крепла уверенность в неминуемом поражении. Как она может рассчитывать на успех? Ее друзья гораздо сильнее и опытнее, однако они в плену. Девушка судорожно пыталась придумать что-то дельное, но ничего не получалось.

Когда сердце до краев наполнилось отчаянием и страхом, трава за спиной зашуршала. Элена резко обернулась: вдоль берега плыла черная тень с горящими янтарными глазами. Из груди вырвался вздох облегчения.

Волк бесшумно скользнул к ней, и в его зубах что-то блеснуло. Он бросил свою ношу на землю и молча отошел напиться.

Элена озадаченно разглядывала грязный предмет. Зачем волк его принес? Напомнив себе, что за звериным обликом Фардейла скрывается острый ум, она склонилась к земле, и вдруг ее осенило. Девушка вскочила на ноги. Ну конечно же! Элена затаила дыхание, прогоняя последние сомнения, и покрепче схватила рукоять топора – похоже, надежда наконец перевесила отчаяние.

Подождал си'лура, во взгляде читалась готовность к действиям. Опустившись на одно колено, Элена крепко обняла его свободной рукой.

– Спасибо, Фардейл, – прошептала она.

Он лизнул ее в щеку, принимая благодарность, высвободился и внимательно посмотрел на нее сияющими глазами – в голове пронеслось:

«На отставшего от стаи волка нападает затаившийся медведь».

Элена понимающе кивнула: нужно спешить. Словно в награду за решимость, Фардейл задержал на ней внимательный взгляд и только затем пошел вдоль берега к лагерю. Поспешно подняв с земли сверкающий предмет, девушка последовала за ним.

Ни'лан видела, как паук расправляет четыре крыла, каждое размером с руку. В свете костров по их поверхности метались черные маслянистые отсветы. Он оставил Эр'рила в покое и жалобно застонал от голода. Нифай чувствовала, что существо – некое подобие

куколки, оно совсем недавно появилось на свет и истинную форму обретет, только насытившись.

Ни'лан попыталась отыскать слабое место в сковывавших ее веревках, но они были прочны и завязаны на совесть. Даже покрасневший от усилий Крал не мог с ними справиться. Мерик и Могвид, видимо, смирились и не пытались сражаться с путами. Элв'ин стоял, гордо выпрямившись, его голубые глаза потускнели; Могвид съежился от страха.

Маленькая женщина оставила затею с веревками, понимая, что сила здесь не поможет. Но она не хотела сдаваться, только не сейчас. Возможно, умом и хитростью... И тут она поняла, что опоздала.

Существо сидело неподвижно, но вдруг забило крыльями и, скребя по земле конечностями, бросилось на Эр'рила. Тот резко вдохнул, когда паук вцепился в грудь. Восемь ног обхватили тело, когти вонзились в дерево столба. Задыхаясь, воин покраснел, и впервые с момента их первой встречи в Уинтерфелле Ни'лан увидела в его глазах страх.

Демоница по имени Вира'ни захихикала, ее губы искривились в жестокой усмешке.

– Поцелуй его, мой миленький! – подбадривала она мерзкую тварь.

Нужно действовать немедленно.

– Хватит! Останови свое чудище! – крикнула Ни'лан.

Вира'ни перевела на нее злобный взгляд.

– Темный Властелин не одобрит смерти Эр'рила, – поспешила сказать нифай, чувствуя, как решимость оставляет ее.

Демоница шагнула к пленнице.

– С чего бы это? Может, ты лучше меня знаешь, чем порадовать моего господина?

Краем глаза Ни'лан видела, что паук опустил двойную челюсть к горлу Эр'рила, но выдержала взгляд Вира'ни.

– Я знаю только, что Черное Сердце ищет ведьму. Больше всего на свете он желает ее заполнить.

Казалось, эти слова сумели преодолеть барьер безумия, и хищная улыбка исчезла с бледного лица.

– Только Эр'рилу известно, где она, – солгала нифай. – Если убьешь его, никогда не узнаешь, где он ее спрятал.

Вира'ни тихонько свистнула пауку, и страшные челюсти послушно замерли на расстоянии пальца от кожи воина. Жажда мести в глазах Вира'ни сменилась сомнением и беспокойством. Она вдруг съежилась и отступила на шаг.

– Ведьма... Да, ведьма.

Рука Вира'ни, точно заплутавший котенок, метнулась к волосам, принялась играть с черными прядями.

– Нужно поймать ведьму для моего господина. Я не могу его подвести. – Она снова взглянула на станци. – Отложим наши забавы на потом.

Ни'лан выдохнула. Добрая Матушка, у нее получилось!

Она видела, как Вира'ни подошла к чудовищу и нежно поскребла ногтем его крыло.

– Ну-ну, слезай оттуда. Не будем трогать Эр'рила... Какое-то время.

Нифай с облегчением наблюдала, как паук по очереди вытаскивает конечности из дерева и спускается на землю. Он сердито встряхнулся, и его пронзительный вопль – голос самого мрака, перед которым, казалось, померкло пламя костров – разбудил сокровенные страхи во всех живых существах. Ни'лан почувствовала, как у нее подгибаются колени.

К счастью, Вира'ни успокоила монстра, положив ладонь ему на спину.

– Тише, дорогой, не надо скандалить. Я знаю, что ты голоден. – Демоница указала на пленницу. – Иди покушай, малыш.

Глаза Ни'лан широко распахнулись от ужаса, когда, размахивая крыльями и перебирая конечностями, чудовище помчалось к ней.

– Спасибо, что напомнила о моем долге, – сказала Вира'ни. – И в качестве награды мы пропускаем тебя вне очереди.

Паук набросился на крошечную женщину, и та стукнулась затылком о столб. Тварь обхватила ее всеми восемью лапами, полностью скрыв под собой. От удара перед глазами заплясали разноцветные огни, однако нифай успела заметить, что к ее шее несутся облепленные пеной челюсти.

Монстр вгрызся в горло, и Ни'лан тут же потеряла сознание от боли. Только едва слышный предсмертный стон сорвался с ее губ – тихий вздох, тут же подхваченный ветром.

Глава 9

Элену охватил ужас: весь лагерь усеивали трупы. Погибли не только мужчины и женщины, но даже дети и седовласые старики, и тела их походили на обгоревшие поленья. Черные животы распухли, точно спелые дыни, а под натянутой кожей что-то копошилось. Девушка старалась не смотреть на убитых, не позволяя жалости и страху завладеть сердцем. Уцелели только животные: испуганно ржали лошади, псы бродили вокруг палаток, опустив головы, будто боялись руки сурового хозяина. Все они шарахались от огромного волка, бежавшего впереди, и ни один не смел остановить их.

Элена пробиралась вдоль границы лагеря. Судя по всему, Фардейл направлялся в обход палаток к восточной оконечности, откуда доносились громкие голоса. Значит, кто-то выжил. Но кто?

Девушка так сильно сжимала топор, что левая ладонь взмокла и теперь скользила по рукояти. В кармане, у самого сердца, лежал принесенный Фардейлом предмет, и его вес придавал решимости. Все получится, все получится... Перешагивая через растерзанное детское тело, Элена отвела глаза. Будь сильной, держи эмоции под контролем. Правая кисть сжата в кулак – ты не безоружна. Из надреза, сделанного колдовским кинжалом, магия расходилась послушными волнами, и ее завихрения танцевали вокруг запястья.

Она готова.

Элена обошла палатку и увидела, что Фардейл замер, припав к земле. Он обернулся: «Лесная кошка низко прячется в траве, чтобы застать кролика врасплох».

Элена опустила еще ниже, и си'лура побежал вперед. Девушка пыталась не отставать, но тяжесть топора давала о себе знать, а лапы волка, казалось, едва касались земли, – расстояние между ними увеличивалось. Она прикусила губу и склонилась к самой траве, стараясь догнать черную тень, но Фардейл скрылся за палаткой.

Элена нырнула за ним, но вдруг поняла, что дальше – широкое поле и прятаться негде. Затаив дыхание, она выглянула из-за угла и, потрясенная увиденным, едва сдержалась, чтобы не пустить в ход так тщательно сдерживаемые остатки магии.

К пяти вкопанным в землю бревнам были привязаны ее друзья. Чудовищная тварь, порождение самого жуткого кошмара – крылья, суставчатые ноги и черная чешуя, – сползала по одному из столбов. За всем этим напряженно наблюдала стройная нагая женщина, окутанная длинными черными волосами. Будто почувствовав на себе взгляд, незнакомка обернулась. Ее бледное лицо, под стать молочной пряди, отливавшей серебром в лунном свете, было холодно, словно пещера, глубины которой никогда не знали солнечных лучей. Элена метнулась за палатку незамеченной.

Она содрогнулась, но не от страха перед странной девой или жутким существом, а от картины, выхваченной взглядом в последний момент. Не может быть! Но Элена понимала, что не ошиблась. В привязанных к крайнему столбу костях, облепленных кожей, сложно было различить кого-либо, но она узнала медовые волосы и зеленую тунику нифай.

Элена скорчилась в своем укрытии, прижимая окровавленный кулак к губам в беззвучных рыданиях. Она опоздала! Ни'лан мертва!

Послышался холодный голос:

– Итак, Эр'рил, где ведьма?

– Я ничего не скажу. Хоть всех убей.

– О милый, ты никогда меня не понимал. Я убила маленькую светловолосую женщину вовсе не затем, чтобы напугать тебя. Мне, признаться, никакого дела нет до твоих спутников.

Они всего лишь детское питание. Мой господин дал мне инструмент, с которым я узнаю все, что захочу, согласен ты или нет. Во втором случае только грязи будет больше.

– Я не выдам девочку.

– Почему же? Ты прекрасно умеешь бросать детей – даже своих собственных.

– Тебе не добраться до ведьмы, Вира'ни. Я хорошо ее спрятал. Даже повелителю гал'готалов ее не найти.

Элену пробрала дрожь. Эр'рил солгал. Но зачем? Впрочем, понятно: воин наверняка знает, что Роршаф спас ее, и считает, что они уже на полпути к равнинам. И теперь, чтобы выиграть для беглецов еще немного времени, он готов погубить себя и остальных.

Нельзя допустить этой, теперь уже напрасной, жертвы. Она вовсе не мчится по долине, спасаясь от опасности, – она здесь. Их смерть ничего не даст.

– Даже если ты сказал правду, – продолжала женщина, – я все равно узнаю, куда ты ее дел, Эр'рил. Только сначала надо покормить моего изголодавшегося крошку. Дети такие ненасытные – едят до отвала и тут же просят добавки.

От жалобного воя, поднявшегося над травой, Элена похолодела. То был печальный стон разорванного дикой кошкой ягненка, которого она однажды нашла в лесу, – плач боли и предчувствия смерти.

– Мой малыш должен набраться сил, чтобы подняться в воздух и отыскать твою ведьму.

Вытирая слезы, пролитые по Ни'лан, Элена твердо решила, что сегодня больше не будет жертв. Кровь с пальцев больно ужалила глаза, и вдруг ее зрение и мир вокруг изменились: сквозь кожу правой руки она видела, как в лазурном сиянии мечутся потоки магии.

Ледяной голос отвлек Элену от изучения нового дара.

– Иди поешь, миленький. Отведай вон того здоровяка. Кажется, он сильный и будет тебе отличным обедом.

Девушка опустила охваченную колдовским огнем руку и выпрямилась. Нужно остановить эту резню. Довольно прятаться и соблюдать осторожность, пришла пора храбрости, решительности и риска. Она принимает вызов врага.

– Еще раз спрашиваю, где твоя ведьма, Эр'рил?

– Я же сказал...

Вскинув на плечо топор, Элена вышла из-за палатки.

– Тебе нужна ведьма? – зазвенел в неестественной ночной тиши ее спокойный голос. – Я здесь.

Горло Эр'рила перехватило от потрясения и ужаса. Оружие Крала покоилось на ее левом плече, вокруг правого кулака металась синие вспышки магии. Девочка вряд ли понимает, кому отважилась противостоять. Ничто из ее арсенала не способно справиться с Вира'ни и пауком. Она просто не в силах победить их, кроме того, скованные товарищи не смогут ей помочь.

Элена подошла поближе, и воин увидел, что ее щеки перепачканы кровью, а в глазах сияет диковинный лазурный огонь.

«Это еще что?»

– О, ты только посмотри, Эр'рил, блудная овечка вернулась домой, – развеселилась Вира'ни. – Благодаря моему господину я достаточно знаю про ведьму и ее магию. И вот что я тебе скажу: судя по цвету руки, она совсем слаба. По крайней мере, мои дети в лесу погибли не зря.

Возразить было нечего.

– Назад, Элена! Это ловушка! – крикнул он.

Его слова эхом повторили Мерик и Крал, только Могвид, сжавшись, молча висел на своих путях.

Девушка будто не слышала, она не сводила глаз с Вира'ни.

– Убери свое чудище от Крала. – Ее голос дрожал от ярости.

Отвлеченный внезапным появлением незнакомки, паук замер на расстоянии вытянутой руки от сапог горца. Набухшие красные мешки с ядом пульсировали по обе стороны головы, точно два отвратительных сердца.

– Мое дитя? – переспросила Вира’ни. – Но милая крошка еще слишком мал, ему показано хорошее питание.

Она махнула рукой, и паук начал подбираться к Кралу.

– Что ж... Ты не оставляешь мне выбора.

Обеими руками Елена подняла тяжелый топор и что было сил бросила его в паука. По точному и быстрому полету оружия воин предположил, что тут не обошлось без магии. Однако он не ошибся и ранее – в одиночку со злом на этой поляне не справиться. Монстр шарахнулся в сторону, и топор вошел в землю между столбами.

Вира’ни едва заметно дрогнула, но, когда лезвие миновало цель, залилась смехом.

– А она вздорная девица! – обратилась женщина к топору.

Улучив момент, когда противница отвлеклась, Эр’рил, почувствовав на себе внимательный взгляд Елены, встретился с ней глазами – девушка незаметно достала что-то из нагрудного кармана и поспешно швырнула к столбу. Сверкнув в лунном свете, вещица оставилась у самых ног Эр’рила, и тот широко раскрыл от удивления глаза. Откуда?

К несчастью, движение привлекло внимание Вира’ни.

– Так-так, и что ты задумала? – Не сводя с ведьмы глаз, она попятилась к Эр’рилу. – Неужели это любовное послание?

Пока Вира’ни осматривала предмет, Елена кивнула на топор, и Эр’рил вдруг все понял. Но удастся ли проделать это снова? Краем глаза он видел, что Крал сражается с пауком, все выше карабкавшимся по его ногам. Скованный веревками, он, как мог, отпихивался коленями, но столь неравная схватка не могла длиться вечно. Эр’рил перевел взгляд на вещицу у ног. Должно сработать.

– Как мило! Крошечная фигурка. Я было подумала, что это роза, но вижу кулачок. – Демоница повернулась к Элене. – Не слишком романтично, дорогая.

Девушка отступила на несколько шагов и высоко подняла правую руку. Ночной мрак разорвали вспышки магической энергии.

Вира’ни приблизилась к ней.

– Неплохо. А теперь посмотри, что умею я.

Острым ногтем она глубоко рассекла себе предплечье, и царапина тут же наполнилась кровью. Демоница обмазала грудь и лицо, прежде чем хоть одна капля упала на землю. Вместо того чтобы окрасить кожу в красный цвет, жидкость будто притягивала мрак. По обнаженному телу вверх-вниз, словно в любовных ласках, струились ночные тени, и в следующее мгновение женщину скрыл непроницаемый черный щит.

– Даю тебе последний шанс освободить моих друзей, – сказала Елена, на которую представление противницы, казалось, не произвело никакого впечатления.

– Иначе что?

Темень змеилась по нагому телу. Постепенно, пожирая лунный свет и мерцание костров, полем завладевал мрак. Вскоре он заметался аспидным пламенем.

– Думаешь, так легко погасить огонь, пожалованный мне Черным Сердцем?

– Вот и посмотрим, – ответила Елена и снова попятилась, увлекая Вира’ни за собой.

– Теперь не убежишь, дорогуша.

Стараясь не думать об угрозах, Эр’рил закрыл глаза. Он понимал, что, приманивая демоницу, девушка пытается выиграть время, и знал, что у него есть единственный шанс – сердце отчаянно колотилось. Воин вспомнил сражение с каменными гоблинами. Как тогда удалось разбудить амулет? В памяти всплыло имя мальчика – того, чей выкованный из железа кулак лежал у его ног; мальчика, убитого им столетия назад.

«Ты мне нужен, – мысленно прошептал он и одними губами произнес: – Ди’нал».

В следующее мгновение обрубок плеча расцвел обжигающим пламенем. Воин судорожно вдохнул и повис на веревках, чувствуя, как от мучительной боли подгибаются колени. Но так же внезапно приступ прошел, и все изменилось. Эр’рил почувствовал фантомную конечность и вспомнил, каково это – иметь вторую руку. Он открыл глаза: железная ладонь парила перед ним в воздухе – его собственный кулак, соединенный с телом невидимой плотью! Амулет послушно исполнял команды: маталлические пальцы сжимались и разжимались, точно родные. Сработало!

Он опустил обретенную кисть и по голосам понял, что Элене удалось увести Вира’ни за палатки. Нельзя упустить шанс, дарованный девочкой.

Справа донесся стон – Крал проигрывал сражение с пауком. Ноги вонзились в тело горца, и мерзкая тварь старалась поудобнее устроиться на его широкой груди. Эр’рил потянулся, ухватил железными пальцами рукоять топора и в следующий миг с нечеловеческой силой обухом ударил чудовище. Застигнутое врасплох, оно повалилось на землю, размахивая конечностями.

– Повернись, – прошипел Эр’рил. – Веревки!

– Быстрее! – ответил горец, подставляя запястья.

Детеныш, постепенно придя в себя, встряхнул крыльями и пронзительно завопил.

Лоб Эр’рила покрылся испариной. Он отчаянно замахнулся, дважды ударил топором, и путы упали на землю.

Паук метнулся к горлу Крала, но, наткнувшись на его могучий и твердый, точно булыжник, кулак, отлетел и откатился в высокую траву.

Эр’рил тем временем освободил ноги товарища.

– Держи! – крикнул он, не опасаясь больше привлечь внимание Вира’ни.

Крал принял оружие и мгновенно освободил станди. Горец двигался легко и быстро, и, казалось, топор стал продолжением его руки.

– И меня развяжите! – взвыл Могвид.

Эр’рил кивнул.

– Вы вдвоем постарайтесь удержать здесь эту тварь. Я пойду за девочкой и Вира’ни.

– Постой! – остановил его Крал, вглядываясь в траву. – Он опять явился.

Паук метнулся к ним из укрытия, стебельчатые глаза горели злобой, зеленый яд с шипением капал с щелкающих челюстей. Однако он едва держался на ногах, раскачиваясь, словно под порывами ветра. Тело содрогнулось, распухший живот сотрясли конвульсии, и он снова завопил, но не от ярости, а от боли.

– Что-то тут нечисто, – пробормотал Крал.

– Отвяжите меня! – На губах Могвида блестела слюна.

– Да успокойся ты, болван! – одернул его Мерик.

Словно привлеченный перепалкой, паук подался к ним, но вдруг остановился в нерешительности. Глаза дико завращались, подкосились ноги. Он попытался сдвинуться с места, но повалился на землю, задергался, слабо шевеля крыльями, в последний раз содрогнулся и замер. Злобный взгляд погас.

– Умер? – облегченно спросил оборотень.

– Тогда интересно, что его убило, – нахмурился Крал.

Эр’рила не слишком занимал этот вопрос – Элена гораздо важнее. Он указал на Мерика и Могвида.

– Развяжи их, но поосторожней с этой тварью. Не уверен, что он мертв.

Воин направился к палаткам, но его остановил пронзительный вопль Могвида:

– С-с-смотрите!

Станди оглянулся: паук лежал неподвижно, стебельки обвисли, но крылья, высыхая, сворачивались, точно листья на солнце; восемь ног исчезли внутри тела. В следующий миг брюхо распухло еще сильнее, а в ядовитом сердце что-то задержалось.

– Снимите с меня чертовы веревки! – взвыл Могвид.

Крал подскочил к нему, быстро разрубил путы и отошел к элв'ину.

– Что происходит? – спросил горец.

– Он меняет форму, – ответил Standi, замерев в нерешительности. – Перерождается.

Эр'рил понимал, что придется оставить Крала разбираться со всеми неожиданно-стями: но на труса Могвида надеяться не приходилось, а Мерик, весь день управлявший ветрами, еще слишком слаб. Воин не шевелился: он не хотел отправляться на поиски Элены, не зная, что за врага оставляет за спиной.

Ждать долго не пришлось. Кожа и чешуя на животе паука лопнули, и из сердца вырвался маслянистый зеленый туман, мерцанием напоминавший плесень на гнилом дереве. Эр'рил мгновенно сообразил, что клубы пара смертельны, все четверо попятились.

Издохлого паука на сырую траву клубком выкатилось бледное существо. Сейчас оно было уязвимее всего, но ядовитая мгла барьером висела вокруг.

Мужчины молча наблюдали, как чудовище разворачивается, вытягивая руки и разгибая колени. Оно перекатилось на другой бок и оказалось лицом к путникам. Это был вовсе не беспомощный новорожденный, глаза горели хитростью. Существо подобрало под себя голые ноги и встало.

– Добрая Матушка, – изумленно выдохнул Крал, опуская топор, нацеленный на врага.

Поразительное зрелище: струи длинных черных волос, нежное лицо, полные губы, груди, словно наливные яблоки, точеная талия и стройные, изящные ноги. Она светилась первозданной красотой, точно маяк, и даже жуткое рождение не затмевало сияния. Она не просто унаследовала красоту матери, она была ее двойником.

Они смотрели на новую Вира'ни.

– Добрая Матушка, – снова пробормотал горец и в ужасе отступил назад, сжимая оружие.

За спиной красавицы взвились костлявые кожистые крылья, и стало видно, как по жилам течет черная кровь. В недоброй усмешке существо обнажило ряды острых зубов. Красный язык скользнул меж клыков и обвил лицо, точно разъяренная змея. Она зашипела и вскинула когтистые пальцы, сочившиеся зеленой жидкостью, – демоница была пропитана ядом.

– Я-то думал, она обезумела, поддалась обману... – простонал Эр'рил.

– Это еще что такое?

Крал отступил еще на шаг и вскинул топор в оборонительной стойке.

– Темный Властелин... Ему наконец удалось скрестить человека со скал'тумом, он смешал людскую кровь с кровью повелителей ужаса. Это существо действительно ребенок Вира'ни.

Проклятая тварь низко присела, высоко подняв руки и крылья.

– Смотрите в оба! – прикрикнул Мерик.

Они отступали плечом к плечу.

– Почему вы убегаете? – прошипело чудовище и метнулось к ним. – Давайте поцелуемс-с-ся.

Элена пятилась к центру лагеря и вскоре снова оказалась среди распухших почерневших трупов – приходилось смотреть под ноги. Дымный воздух пропитался запахом крови и экскрементов.

Удалось ли выиграть для друзей время? Она не знала наверняка, а потому продолжала медленно отступать, увлекая за собой Вира'ни. Демоницу окутывали тени, по бледной коже струился чернильный мрак, а вокруг плясали языки темного пламени.

Впрочем, Элена видела не только это. Магия даровала ей иное зрение, и девушка теперь глядела в самые глубины существа, и там, в потайном месте, в груди противницы мерцал едва различимый белый огонек.

Элена видела подобное этой ночью, около сердец своих друзей – Мерики и Крала, и узнала крошечный цветок силы. Магия стихии!

Вира'ни – возможно, сама того не зная, – обладала великой силой. Какой именно, Элена не могла определить. Вокруг маленького белого пламени неистовствовала магия, питаясь его энергией так же, как языки темного огня на коже насыщались лунным светом и мерцанием костров.

Элена глядела на бушующую черноту, и ее начало мутить, сердце бешено колотилось. Казалось, страшный вихрь наполнил все тело Вира'ни, от макушки до пальцев ног. Как она решилась сразиться со столь могущественным врагом? Только бы удалось подольше владеть ее вниманием, чтобы подоспел Эр'рил. Вдвоем они могли бы...

– Можешь остановиться, ягненочек. – Голос, донесшийся из-за теней, испугал ее. – Мы уже на месте.

На месте? Внутри у Элены все похолодело. О чем она?

Вира'ни взмахнула рукой, и на кончиках пальцев заиграли темные сполохи. Девушка поморщилась и подняла правый кулак в защитном жесте, однако Вира'ни атаковала не ее. Черное пламя набросилось на тела, и они тут же вспыхнули. Огонь будто вдохнул в них жизнь – распухшие животы лопнули, и на землю посыпались полчища скорпионов. Часть помчалась к Элене, остальные расправляли крылья и тучками поднимались в воздух.

Один скорпион, подняв жало, направился к ее ногам. Она замахнулась на него, и капля крови разбилась о твердую спину – скорпион пыхнул серым туманом и исчез. Элена замерла в изумлении. О Добрая Матушка, ее кровь может убивать!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.